

С. 2 Что мы знаем о братствах русской эмиграции О том, занимается ли кто-нибудь историей зарубежных православных братств в XX веке и что известно, а что нет о братских движениях эмиграции, рассказывают председатель РСХД Кирилл Соллогуб и директор летнего лагеря РСХД Григорий Лопухин	С. 6 День памяти В этом году исполняется 25 лет с момента признания 30 октября официальным общегосударственным Днем памяти жертв политических репрессий. Мы предлагаем читателям краткий обзор того, что происходило в связи с увековечением памяти жертв репрессий и Днем памяти за последние 25 лет	С. 8 «Я благодарен Богу за то, что Он “позвал” меня» Так называется одно из воспоминаний о духовном пути, из которых состоит второй выпуск книги издательства Свято-Филаретовского института «Мой путь к Богу и в Церковь». В сборник вошли тексты, написанные нашими современниками в 2000-е годы	Приложение «Вестник просвещения» В приложении, как всегда, новости православной миссии, ответы катехизаторов на вопросы нашего издания, а также обещанный обзор (правда, неполный – на полный не хватило бы места...) откликов экспертов на «закон Яровой» в его «миссионерской» части и примеры его правоприменения
---	---	--	--

Тема номера День памяти жертв репрессий

Только печаль о грехах нам разрешается, а в остальном мы – великие оптимисты

Архимандрит Варлаам (Сацердотский) вместе со своими духовными детьми. Во втором ряду сидят (слева направо): Анна Васильевна Кошкина, неизвестная братчица, отец Варлаам, Евгения Сергеевна Миллер, Евгения Серафимовна Макарова. 19 ноября 1926 года

Так писал братчикам с Беломорканала один из руководителей петроградского Александро-Невского братства архимандрит Варлаам (Сацердотский)

Василий Сацердотский родился 30 декабря 1896 года в священнической семье на станции Волхово Новгородской губернии. Там он окончил семинарию, после которой в течение трех лет, до октября 1918 года, учился в Московской духовной академии. Затем год работал учителем в деревне Треповке Саратовской губернии, а в 1919 году поступил на историко-филологический факультет Саратовского университета. По данным М.В. Шкаровского, в январе 1920 года был мобилизован в Красную армию, в которой был учителем красноармейской школы грамоты и заведующим школьной секцией.

Первые годы в братстве

Весной 1921 года Василий приезжает в Петроград и становится послушником в Александро-Невской лавре, одновременно работая воспитателем в детском доме, находившемся на территории лавры. Митрополит Вениамин благословляет его служить в Крестовом митрополичьем храме, в котором в это время молилось Александро-Невское братство. Вскоре Василий вступает

в братство и возглавляет в нем философский кружок. Тогда же, летом 1921 года, Василий поступает в Петроградский Богословский институт, который в 1923 году оканчивает по первому разряду.

В феврале 1922 года митрополит Вениамин рукополагает в иеродьяконы сразу двух монахов, недавно вступивших в Александро-Невское братство – Варлаама (Сацердотского) и Варсонофия (Верёвкина). Рукоположение иеродьякона Варлаама в иеромонахи проходило уже без митрополита Вениамина, накануне арестованного большевиками. Так как вместе с митрополитом были арестованы все трое руководителей братства, а отец Варсонофий был переведен служить в Петергоф, отец Варлаам остался в июне 1922 года единственным руководителем братства. Ему в это время было 25 лет, и старшинство он принимал как тяжелый, почти непосильный крест. Позднее он писал в своем дневнике: «Как странно: самый худший был во главе, немощный и окаянный оказался старшим. Лучше бы скрыться где-нибудь, чем принимать честь и уважение, когда сам-то считаю себя недостойным возвести очи свои на небо».

Окончание на с. 4

О местной соборности, «симфонии» и всеобщем спасении

От эсхатологических воззрений Оригена до современной дискуссии об эвтаназии – таков диапазон вопросов, которые рассматривались в выпускных квалификационных работах, представленных 28 сентября к защите в Свято-Филаретовском институте. Все защищавшиеся студенты благополучно стали бакалаврами богословия.

Русская свобода на американской земле
Евгения Литвиненко в своей работе попыталась ответить на вопрос, чем было

подготовлено известное решение патриарха Тихона (Беллавина) о создании «духовных союзов» в Российской Православной церкви после 1917 года. Проведенное исследование подтвердило гипотезу о том, что призыв к устройению «духовных союзов» отражал опыт взаимодействия с объединениями неприходского типа, собрания братств и укрепления местной соборности, приобретенный будущим патриархом в дореволюционный период его служения на Американском континенте.

Окончание на с. 3

Святая правда и дьявольская ложь великих утопий

Интервью с профессором Жоржем Нива

Как в Европе относятся к Великой французской революции? Было ли когда-нибудь в истории Франции такое вдумчивое всматривание в эту революцию, как у нас в события 1917 года накануне их столетия? У нас сейчас многие об этом думают и говорят: что было бы, если бы не... и как можно было бы этого избежать...

«Что было бы... как бы...» – это совершенно напрасные мысли. Нужно знать, что было – всесторонне. Помнят ли по-настоящему в России о Первой мировой войне? Не так давно президент Путин сказал, что надо помнить и о жертвах этой войны. Но у вас я не видел того, что есть в каждой, даже самой маленькой деревне во Франции – памятников павшим во время этой войны. Когда речь идет о Первой мировой войне – у нас это очень длинный список. Там, где я живу, в деревне Эзри департамента Верхняя Савойя, он почти равен населению нашей деревни. Это приблизительно 150 имен, и среди них одни и те же фамилии повторяются несколько раз – это означает, что пали все братья, отцы и сыновья. Список павших во время Второй мировой войны гораздо короче – 9–10 имен; еще есть список тех, кто пал во время наших колониальных войн в Алжире, 2–3 имени. Конечно, для России пропорции совершенно другие, потому что Вторая мировая война для вас – это огромные потери. Но меня поражает, что я очень редко вижу здесь и их поименные списки, а ведь каждая деревня потеряла огромное количество своих мужчин. Есть симво-

лические памятники советскому солдату, но этого недостаточно. Важно всех упомянуть поименно, потому что каждый человек имел свое имя, и имя – это суть человека, как имя Божие есть суть Бога для имяславцев, и в какой-то мере они правы.

Почему я говорю об этом? Потому что, конечно, революции 1917 года не было бы без той страшной войны, которая началась в августе 1914 года. Начало этой войны описывает – по-моему, очень верно – Александр Солженицын в Первом узле своего «Красного колеса». И потом катится это колесо – огненное, кровавое, страшное – и люди не знают, куда оно катится; и этот образ у Солженицына – очень сильный.

А Французская революция – она другого типа. Не война была ее причиной, и она началась очень мягко: равенство, братство, свобода. На всех наших монументах вы найдете эту магическую формулу: «Liberte – свобода, Egalite – равенство, Fraternite – братство». Но братство – играло большую роль, хотя сейчас мы часто можем подумать, что о братстве мы немного забыли. Все-таки равенство перед смертью увеличилось – в больницах и нищих, и богатых одинаково лежат: это огромное достижение, источник которого – в христианстве.

Окончание на с. 5

В обсуждении выступает заведующий кафедрой церковно-исторических дисциплин Константин Обнозов

Что мы знаем о братствах русской эмиграции

Интервью с председателем РСХД Кириллом Соллогубом и директором летнего лагеря РСХД Григорием Лопухиным

Заниматься сегодня историей православных братств, прежде всего петроградских, очень сложно: до сих пор значительная часть информации закрыта, трудно, а порой и невозможно попасть в архивы. А как обстоит дело с информацией о братских движениях в русской эмиграции? Кто-нибудь занимается историей зарубежных православных братств в XX веке? Интересна ли эта тема людям сегодня?

Съезд РСХД под Парижем. 1937 год

Кирилл Соллогуб: Надо учитывать контекст: русская эмиграция – это все-таки узкий круг, и в нем было не так уж много движений, особенно духовных движений. РСХД является в некоторой степени уникальным явлением именно потому, что в нашем движении всегда был примат церковности, а в других движениях было не так. Очень близкой к нашему движению до сих пор остается молодежная группа «Витязи». Изначально они входили в состав РСХД, но вышли из Движения в 1934 году. Это было первое «отпочкование», еще до «Православного дела» матери Марии (Скобцовой), и это был настоящий разрыв. Взгляды членов этой организации, существующей до сих пор, существенно отличны от наших. Для них церковность – это элемент русской идентичности. Мы же всегда ставили именно церковность на первое место. Из-за этого мы очень быстро открылись другим православным, в том числе и французам, и приняли их в наше движение, перешли на французский

В летнем лагере «Витязей»

язык. Это не значит (тем более, что в последние годы все больше и больше русских приходят к нам, например в наш лагерь), что у нас не звучит русская речь. Но наша работа ведется по-французски – уже, может быть, 40 или 50 лет. А у «Витязей» не так.

Так что из крупных церковных движений русской эмиграции мы чуть ли не единственные. Но ведь русские не единственные православные во Франции и вообще на Западе, в Европе, хотя русская эмиграция исторически – самая значительная часть присутствия православия. Есть и другие православные, в том числе и французы, которые приняли православие. В 1960-х годах вокруг идеи объединить всех православных возникло Западно-европейское братство, в создании которого мы принимали участие и до сих пор продолжаем достаточно много участвовать в их жизни. Каждые три года они организуют большие съезды. Они очень важны тем, что собирают именно всех православных на Западе, независимо от их происхождения, юрисдикции, истории и т. д.

Григорий Лопухин: Есть еще Синдесмос.

Кирилл Соллогуб: Да, это тоже братство нам очень близкое и дорогое. Но таких образов жизни братства, какие были или бывают у вас в России, я думаю, не было. Скажем, Западноевропейское братство – это не «тесная семейная жизнь». Это объединение, которое стремится делать все, чтобы православные на Западе могли общаться, совместно свидетельствовать, совместно трудиться в разных сферах, например в области переводов богослужебных текстов на местные языки или общей информации.

Как вы знаете, и границы РСХД не такие определенные, как у вас.

Вспоминается еще братство Святой Софии, братство святителя Фотия... Насколько важна для вас их история?

Кирилл Соллогуб: Да, действительно, братство Святой Софии и его история, раскрытая благодаря дедушке Григория¹, Никите Алексеевичу Струве, нам очень близки. История братства Святой Софии переплетается с нашей. Ведь как пишет о. Василий Зеньковский, члены этого братства хотели быть в постоянном общении, чтобы руководить Движением.

Другое братство, о котором вы говорите, мало известно. И если о братстве Святой Софии говорят обнаруженные и опубликованные архивные документы, то каких бы то ни было документов Фотиевского братства мы не знаем. Но я считаю, что придет время, когда мы все это узнаем. Нам известно, что они считали очень важным, чтобы все мы, русские православные, которые пришли во Францию, осознавали, что Франция не «пустая земля» в смысле христианства, что в ней жили великие святые, отцы церкви, и память их до сих пор жива. Это очень важная мысль. И они думали, как можно сочетать сокровище восточного русского православия с западным христианством. Они очень интересовались историей первых христиан во Франции – в Галлии, в Лионе, – историей святых, потому что среди них были очень важные фигуры – и свт. Ириней Лионский, и свт. Иларию Пиктавийский из Пуатье, Григорий из Тура, Мартин из Тура... Правда, они считали, что после разрыва с католиками наступил конец этой традиции, она как бы исчезла. На мой взгляд, это немного резко, я сомневаюсь, что в этом члены братства свт. Фотия правы. Но здесь надо сказать, что мы, как я уже говорил, имеем очень мало документов.

В этом братстве свт. Фотия принимали участие такие люди, как Лосский, братья Ковалевские, которые были связаны в какой-то мере с нашим Движением. Они немного отошли от РСХД в связи с расколом 1931

года, потому что не пошли за митрополитом Евлогием. У нас мало документов об этом братстве, хотя я уверен, что их видение и опыт очень нужны даже сейчас.

Насколько жители Франции сегодня знают о том, что православные могут жить вот так по-братски? И насколько это востребовано сейчас? Какую цель сейчас видит РСХД?

Григорий Лопухин: Без Движения, без его ежегодных летних лагерей мы не были бы настолько привязаны к церкви. Многие из современных православных во Франции, так же как и большинство католиков, приходят в церковь один или два раза в год. Например, когда кто-то умирает и его надо по обычаю отпеть. А для нас благодаря Движению жизнь в церкви является центральной. И поэтому работа, которую мы ведем в лагере, очень важна для детей, которые не имеют постоянного контакта в первую очередь с церковью, но, конечно, и с культурой. Мы создаем артистические группы. Я приучил лагерь к театру.

Кирилл Соллогуб: Можно добавить, что для нашего движения очень важен опыт католических движений. Их много. У католиков их больше, чем у православных.

Вы с ними дружите?

Кирилл Соллогуб: У нас есть общение с братством святого Эгидия, фоколярами, общиной «Эммануэль». Мы находим с ними общий язык, потому что наш опыт близок. И это очень сильно. Когда я объясняю французам, что такое РСХД, то говорю, что так же, как в католической церкви во второй половине XX века после II Ватиканского собора возникло множество движений, мирянских братств, так и наше движение возникло – но раньше, еще в начале XX века. Я считаю, что появление подобных братств связано с катастрофическими моментами истории. Для католиков это и Вторая мировая война, и социальные смуты 1960-х. Для нас основное – это революция и Первая мировая война. В такие катастрофические исторические моменты разные движения рождаются как ответ, как веяние духа, отвечающее на эти призывы современности.

Сейчас, с одной стороны, вроде бы уже нет таких войн, с другой стороны, опасность достаточно серьезна – прежде всего терроризм.

Григорий Лопухин: В лагере мы как раз запланировали два цикла бесед с детьми о террористических актах. Действительно, это сейчас является травмой для нашего общества. Первая наша реакция на взрывы в Париже была – сразу встретиться вместе в Доме движения, чтобы помолиться и пообщаться. Была нужна собраться в тот же день. Эти ужасы надо объяснить, понять. Ведь во Франции значительная часть людей выступает против религии, и для них такие страшные события – это повод сказать: «Видите, что дает религия, что верующие делают?»

Кирилл Соллогуб: И после этого нам было особенно важно поговорить с детьми, объяснить, что терроризм не связан с верой. Мы организовали для них визит в мечеть.

Если возвратиться к тому, с чего мы начали разговор: вы рассказываете детям в лагере об истории братств? Они этим интересуются, знают это?

Кирилл Соллогуб: К сожалению, мы недостаточно говорим об этом. Я бы сказал, что на Западе еще не возник интерес к истории вообще и к осмыслению явления братств в том числе. Я думаю, не многие знают о том, что они вообще есть.

Беседовала Анастасия Наконечная

¹ Напоминаем читателям, что Григорий Лопухин – внук Н.А. Струве (об этом рассказывалось в рассказе о вечере памяти Никиты Алексеевича). Об истории архивных материалов Братства Святой Софии рассказывается в предисловии к их сборнику.

Издание Преображенского содружества малых православных братств

Кифа

Одобрено Синодальным информационным отделом Русской Православной Церкви (Свид. №081 от 3 мая 2011 г.).
Главный редактор:
А.В. Колымагина

Адрес редакции и издателя:
105062, г. Москва,
ул. Покровка, д. 29

Тел./факс: +7 (495) 624-9250

Электронный адрес редакции:
gazetakifa@gmail.com

Подписной индекс в агентстве Роспечать – 19601
Над номером работали:

Анастасия Наконечная, Максим Дементьев, Александр Копировский, Елена Шевелева, Дмитрий Дорошко, Светлана Калинина, Татьяна Тыртыш, Мария Кайкова
Дизайн и верстка: Марина Подкопаева
Учредитель: Культурно-просветительский фонд «Преображение».
Газета издается с октября 2002 г.
Культурно-просветительский фонд «Преображение».
Все права защищены.
Мнение редакции может не совпадать с мнением авторов.

Нашу газету можно приобрести:
в интернет-магазине predanie.org;
в Москве: в редакции (в настоящее время находится в помещении СФИ – ул. Покровка, д. 29, оф. 38);
в Санкт-Петербурге: в киоске «Предание», тел. +7-963-316-37-81
в Париже: в магазине «YMCA-Press»: 11, Rue de la Montagne Ste Genevieve
Телефоны распространителей
Москва:
+7-910-421-64-60
(Анна Гринман),
+7-903-100-93-73
(Денис Кудряшов)
Санкт-Петербург:
+7-963-316-39-81
(Анастасия Наконечная)
Архангельск: +7-921-073-32-76
(Надежда Макурина)

Вельск: +7-921-247-11-37
(София Кудрявцева)
Воронеж: +7-950-763-50-35
(Александр Терехов)
Екатеринбург: +7-904-388-03-91
(Татьяна Благодарева)
Рязань: +7-920-632-06-71
(Сергей Гаврилов)
Северодвинск: +7-909-551-20-11,
(Татьяна Колпакова)
Тверь: +7-909-266-88-83,
+7-905-551-02-70 (Олег Ермолаев)
Тула: +7-920-746-69-73
(Марина Писаревская)
Электросталь: +7-926-787-43-05
(Ольга Кузнецова)
США, Канада: 1-651-210-49-22,
oleg@voskres.net
(Олег Воскресенский)

Газета зарегистрирована Федеральной службой по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций (Роскомнадзор).
Свидетельство о регистрации ПИ № ФС 77-46907 от 5 октября 2011 г.
Отпечатано в типографии «Бюрок», г. Москва, ул. Складочная, дом 6, строение 3.

Тираж 1350. Цена свободная.
Выпуск подписан в печать 24 октября 2016 г.
Время подписания в печать: по графику – 9.00, фактическое – 9.00.
Дата выхода в свет 29 октября 2016 г.

О местной соборности, «симфонии» и всеобщем спасении

На богословском факультете СФИ прошли защиты выпускных квалификационных работ

Начало на с. 1

Интересно, что будущий патриарх воспринимал братства как особую соборную черту русской церковной традиции. В 1906 году он говорил, что славянская эмиграция и православие смогут внести «в духовную сокровищницу американского народа присущие славянской натуре и русскому православному люду порывы к небесному, стремление к всеобщему братству, заботу о других, смирение, покаянные чувства, терпение».

Отделение церкви от государства, которое произошло в России лишь в 1917 году, в США было реальностью уже в конце XIX века. При этом в Америке церковь не сталкивалась с гонениями со стороны государства. Эти условия благоприятствовали раскрытию – в том числе через устройство братств, объединявших людей разной культуры и происхождения, – соборности и других традиционных качеств церкви, во многом утраченных в константиновскую эпоху. Важную роль здесь играла личность самого святителя, который, по свидетельству протопресвитера Иоанна Мейендорфа, «по темпераменту не был ни революционером, ни реформатором, и тем не менее, где и когда только он мог, – а в Америке возможности были большие, – приступал к устройству свободной Церкви».

Евгения Литвиненко

Еще о соборности

Тему духовных союзов продолжила работа Светланы Яшиной, посвященная деятельности Совета объединенных приходов города Москвы, созданного в 1918 году и фактически ставшего новой формой церковного управления в условиях изменившегося положения церкви в

Светлана Яшина

государстве. В это время в России возникло движение за создание церковных объединений, в центре внимания которых было восстановление соборности и вовлечение мирян в церковное управление, богослужение, духовное просвещение, благотворительность. Московский Совет объединял представителей клира и мирян Московской епархии, избранных на приходских собраниях и собраниях благочиний. Руководство Совета также было выборным.

Совет просуществовал менее двух лет, но в течение этого времени все основные вопросы церковной жизни Московской епархии решались под его руководством и при его участии. Опыт Совета позволил увидеть, как подобные формы организации церковной жизни могут не разрушать существующую систему управления, а, напротив, укреплять взаимосвязь церковной иерархии с духовенством и народом.

Братскому движению в дореволюционный период была посвящена работа Лилии Клейменовой. Она представила первое исследование деятельности наиболее заметного церковного объединения в истории Туркестанской епархии – Семиреченского православного братства, просуществовавшего с 1869 по 1918 год. Ей удалось выявить основные этапы жизни и направления служения братства, из которых самым плодотворным оказалось просветительское, объединившее наиболее образованных людей Туркестана.

Золотой век старообрядцев

Татьяна Васильева в своей работе рассмотрела изменения в законодательстве Российского государства в отношении старообрядческих сообществ и влияние этих изменений на церковную и общественную жизнь старообрядцев в 1905–1914 годы. Принятые в начале этого периода законы свидетельствовали о новом этапе в формировании вероисповедной политики государства. Старообрядцы получили право открыто исповедовать свою веру, иметь своих законоучителей, строить храмы и регистрировать общины, проводить соборы и съезды.

Однако законодательные реформы не были доведены до конца, и на практике жизнь старообрядцев по-прежнему часто контролировалась местными властями. Ряд важных положений так и не были приняты, и к 1914 году законодательство в отношении старообрядцев перестало развиваться. Попытки продвигнуть законопроект, дающий им право свободно исповедовать свою веру, провалились, поскольку государство не могло отказаться от парадигмы существования неразрывно связанной с ним господствующей церкви.

Татьяна Васильева

«Государственное дело – ты улавливаешь нить?»

О миссионерской деятельности человека, который твердо знал, что интересы государства и церкви совпадают, поскольку Российское государство – истинно православное, рассказала Олеся Свечникова. Ее исследование было посвящено одному из руководителей Забайкальской духовной миссии архиепископу Вениамину (Благодарову) (1825–1892). Иностранцы искренне заверяли его, что признают преимущество христианской веры перед ламаизмом и язычеством, однако предпочитали оставаться в своей вере. Не видя надобности в разъяснении им основ христианства перед крещением, владыка много сил потратил на то, чтобы законодательным путем облегчить для миссионеров их христианизацию. Лично содействуя появлению большого количества

Олеся Свечникова

крещеных людей, совершенно не знаящих основ христианства, преосвященный Вениамин в то же время предписывал обязательное введение в храмах религиозно-нравственных бесед, а в отдаленных местах, куда редко добирались священники, – совершение синаксарных богослужений мирянским чином.

Столь экстравагантные (хотя можно предположить, что не исключительные для своего времени) воззрения не помешали архиепископу Вениамину более тридцати лет вести дружескую переписку с начальником Алтайской миссии архиепископом Владимиром (Петровым), имевшим по многим вопросам противоположную точку зрения, а также с казанским миссионером Николаем Ивановичем Ильминским и обер-прокурором Синода Константином Петровичем Победоносцевым. Эта переписка послужила важным источником для работы Олеси Свечниковой.

Екатерина Пашенко в своем церковно-историческом исследовании погрузилась в глубокое Средневековье и разбиралась в проблеме церковно-государственных отношений в Византийской империи в IX–X веках. Произведенный анализ исторической хроники Продолжателя Феофана – известного, но неизученного в этой перспективе

Екатерина Пашенко

источника – позволил студентке охарактеризовать эволюцию политической доктрины Византийской империи в рассматриваемый период (после реформ первых императоров Македонской династии). «По ходу повествования образы патриархов бледнеют, и из ярких церковных деятелей они превращаются в символические фигуры, – пишет Екатерина Пашенко. – Это скорее всего отражает концепцию идеальных церковно-государственных отношений с точки зрения источника: лучше всего, чтобы вся власть сосредоточилась в руках боголюбивого и благочестивого императора, который обеспечит в империи мир и благоденствие, а бездейственный патриарх дарует православному правительству религиозную санкцию».

Традиционное и/или творчество?

Наталья Лихтенфельд сделала предметом своего исследования мозаики признанного мастера Александра Корноухова. На примере избранных композиций ей удалось раскрыть богословское содержание замыслов мозаичиста и особенности его художественного языка и показать, что Корноухов сумел «найти срединный путь между скучным хождением след в след образцам и самонадеянным блужданием вдали от традиции». Она продемонстрировала, как художник свободно, но без произвола вводит в свои композиции новые сочетания фигур, создает целые ансамбли, органично вписывая их в необычную храмовую архитектуру, и открывает для последователей путь творческого отношения к преданию.

Большая часть работы Натальи Лихтенфельд посвящена композиции «Небесный Иерусалим» в папской капелле Redemptoris Mater в Ватиканском дворце, судьба которой сложилась драматически. Были сбиты мозаики свода, верхних участков боковых стен, на которых было изображено шествие праведников к Святому городу, а также мозаики верхней части восточной стены.

Рассмотрены особенности и других работ художника. В мозаике «Преображение Господне» в часовне Культурно-просветительского центра «Преображение» Александр Корноухов скорректировал традиционную вертикальную композицию и вписал ее иконографические элементы в архитектуру часовни, что позволило, вместе с тем, выразить важные богословские смыслы. В мозаике нет жесткого разделения на верх и низ, божественный и человеческий мир, пророков от учеников отличают лишь позы и жесты: молитвенное предстояние, тишина и собранность пророков – и оживление учеников, потрясенных увиденным. Но расположение тех и других в едином пространстве актуализирует представление, что

Фрагмент мозаики «Преображение Господне»

Божественная реальность, мыслимая в полноте «в жизни будущего века», уже здесь, на земле, входит в духовный опыт христианина.

Художник придал динамику центральной фигуре Спасителя, создав впечатление Его движения из ореола славы (мандорлы) навстречу верным. Александр Корноухов обновил богословскую трактовку «Преображения»: он продолжил лучи креста за пределы нимба и тем самым дал нам возможность в образе славы Христа увидеть крест – символ Его грядущего Распятия. Таким образом, в этой мозаике впервые нашла художественное выражение одна из существенных коннотаций в рассказе евангелиста Луки: мотив предстоящей крестной жертвы Христа, о которой говорили с Ним ветхозаветные пророки (Лк 9:30–31).

Человек в свете медицины и вечности

Обзор современного состояния дискуссии о паллиативной помощи и эвтаназии в Русской православной церкви и светской медицинской этике представила в своей работе Екатерина Серебренникова. Врач по профессии, она объяснила свой интерес к теме необходимостью разработки не только сугубо медицинских критериев по данным вопросам, но и оценки их с этической точки зрения, поиска оснований, на которые можно будет опираться в принятии решения в том числе верующему человеку.

Сегодня все больше стран легализует эвтаназию в том или ином объеме. Даже в таких странах, как Англия, где хорошо развита паллиативная помощь, призванная обеспечить человеку достойное умирание, у неизлечимо больных людей иногда остается желание добровольно уйти из жизни. Обзор трудов по богословию, этике, праву и медицине, а также официальных светских и церковных документов показал, что главные «неизвестные» в дискуссии – проблема смерти и представление о достоинстве человека, которые невозможно унифицировать в секулярном и христианском дискурсе. Есть ли смерть бессмысленный и нежелательный естественный процесс или то, как человек умер, может придавать смысл всей его жизни? Светские доводы лежат в правовой и гуманистической плоскости: люди хотят сохранять контроль над ситуацией, умереть без боли и страдания. В то же время для христианского сознания вопросы смерти и достоинства человека всегда сопрягаются не только с проблемой страданий, но и с тайной его свободы. Это показала и дискуссия на защите: так, первый проректор СФИ Дмитрий Гасак вспомнил судьбу Алексея Степановича Хомякова, который, занимаясь лечением крестьян во время холерной эпидемии, заболел и сам отказался от лечения.

Декан богословского факультета Зоя Дашевская и проректор СФИ Дмитрий Гасак остались довольны качеством выпускных работ

Размышления о достоинстве и судьбе человека и человечества в более глобальной перспективе представила в своей работе Ольга Булгакова. Студентка сопоставила эсхатологические воззрения святого Иринея Лионского, Оригена и святителя Григория Нисского. Продоланная работа позволила ей не только разобраться, чем отличается «рекапитуляция» от «апокатастасиса», но и раскрыть глубину христианской традиции, в свете которой грядущее Божье Царство предстает не как вечное разделение на «добрых» и «злых», а как преодоление «ненавистной розни мира сего», откровение о Божьем милосердии и единстве судьбы Его творения.

Софья Андросенко
Фотографы: Александр Волков, Олег Свечников

Сайт Свято-Филаретовского института

Только печаль о грехах нам разрешается, а в остальном мы – великие оптимисты

Так писал братчикам с Беломорканала один из руководителей петроградского Александро-Невского братства архимандрит Варлаам (Сацердотский)

Начало на с. 1

В течение двух лет, до собственного ареста, отец Варлаам руководил братством. При нем в июле 1922 года братство перешло из Александро-Невской лавры в связи с давлением обновленцев в Никольский храм на Спасской улице, где молилось вместе со Спасским братством отца Мануила (Лемешевского). Впоследствии братство служило в единоверческом храме на Волковском кладбище и, наконец, остановилось в Троицком храме Творожковского подворья. Периодически богослужения, братские встречи и беседы с детьми и молодежью проходили по домам братчиков.

Осенью 1922 г. была основана тайная община сестер Александро-Невского братства на ул. Конной в Петрограде. Руководить ею стал отец Варлаам.

Соловки

В феврале 1924 года отец Варлаам был арестован за борьбу с обновленцами и 2 года пробыл на Соловках. В это время там жила еще часть соловецкой братии, разрешались богослужения, можно было пользоваться монастырской библиотекой. Среди заключенных было много православных епископов, священников и церковно настроенных мирян. Все они общались друг с другом, обменивались мнениями, участвовали в богослужениях. Вернувшись, отец Варлаам с большим благоговением рассказывал об этой жизни.

Из заключения отец Варлаам так же, как и другие отцы братства, писал письма. В одном из них, написанном из дома предварительного заключения, он говорит об основном деле братства: «Как проповедь наша, так и вообще все дело наше хотело быть всегда одним – великим благовестием блаженной жизни в Боге, открытой нам Иисусом Христом... Великое служение и радостное... а путь к нему именуется крестным».

Отец Варлаам пишет о крепости братских уз, которым не страшны никакие тюремные стены: «Внутренняя связь между нами нисколько не нарушилась, да и понятно почему – момент соединения у нас в полной мере является в молитве, у Господа мы встречаемся, у Него приобретаем силы на взаимное общение, исполненное любви. А молитву не задержат стены тюрьмы, они способствуют ей, грех только удаляет от Бога, а следовательно, друг от друга...»

Его наставления из лагеря полны призыва к братчикам не останавливаться, не прекращать своего служения несмотря на опасность арестов, а наоборот – не терять времени: «Как-то теперь вы все живете? По-прежнему, вероятно, трудитесь и служите Господу; пользуйтесь временем благоприятным, чтобы потом не сожалеть о днях, проведенных бесцельно. О, как бы хотелось видеть всех вас, всегда преуспевающих и восходящих к Господу, – да вы такие и есть!»

Шесть лет свободы

Вернувшись с Соловков, отец Варлаам снова служит на Творожковском подворье вместе с частью братства с осени 1926 до апреля 1930 года. В это время братство служило еще в двух храмах: в Федоровском соборе с о. Львом (Егоровым) и в храме Тихвинской иконы Божьей Матери в Лесном с о. Вениамином (Эссенем).

Отец Варлаам по-прежнему с трудом принимает свое старшинство в братстве, много думает о своем достоинстве и время от времени пытается уехать в какую-либо дальнюю пустошь, однако это у него не получается: все, с кем он советуется, рекомендуют ему оставаться там, где Господь поставил его служить. Об одном из таких советов из уст монахини Марии (Фединой) он пишет в своем дневнике, чудом дошедшем до нас: «На месте, на месте жить, где Бог благословил, а то злые люди побеспокоят». С трудом принимает этот ответ отец Варлаам:

«Видно, город и служение Братству – мой удел и благословение Божие, так ведь я и думаю иногда, а в большинстве настроен на бегство». «Сколько раз пытался было бежать от людей, чтобы в уединении оплакивать свои грехи и очищать душу слезами, Господи, помоги мне быть истинным монахом!»

На Пасху 1930 года Творожковский храм был закрыт. Братчики перешли в Федоровский собор, однако самого отца Варлаама переводят служить в лавру. «Горестно видеть разрушение храмов, не радостно переживается разобщение с паствой... О своем желании многократно заявлял, но его не уважали, остается одно – покоряться», – пишет он в эти дни в дневнике. Через полгода после этого разлучения он продолжает вспоминать братские службы: «Вспоминается служба на Спасской, какое торжество, какое одушевление, какая радость и как скучно и бледно все теперь!»

Несмотря на всю осторожность, с которой отец Варлаам ведет свой дневник, мы встречаем в нем размышления, касающиеся судьбы не только церкви, но и страны: «Побывал в Волхове на именинах у папы. Живут на бивуаках, ожидают отнятия дома. Все везде говорит о разру-

дит около ста человек, в том числе все священники братства, сестры из общин в Петергофе и на Конной улице и многие другие. Отца Варлаама приговаривают к 10 годам советского лагеря.

Следствие шло быстро. На Благовещение некоторые оставшиеся на свободе братчики смогли пробраться к составу, увозившему арестованных в лагерь, и повидать отца Варлаама и других членов братства. Вскоре отец Варлаам писал с Беломорканала: «Всем моим дорогим братиям и сестрам шлю привет свой и благословение от Господа. Грустно мне было расстаться с вами, но 9 месяцев заключения ослабили несколько эту остро-ту, самые же проводы до слез тронули меня: видел я скорбные лица и ничем не мог помочь, даже сказать несколько слов и то был не в состоянии; тяжело вам было».

В лагере отец Варлаам вспоминает братские беседы: «Сколько раз темой наших бесед была речь о Начальнике тишины, о покое невозмутимом, мире, тишине и радости, сопровождающих приближение наше к Истоку Жизни... Всякое приближение к Нему снимает с души тревогу, успокаивает и радует ее. И это субъективное в силу общности для

Заключенные БелБалтлага

шени, разрушении страшном, уничтожающем весь народ, сильная и злобная рука, видно, действует. А Господь попускает... за грехи, для вразумления, да придут в разум истины... Личного ничего не жаль, даже тени досады нет, а за все как-то горько и горестно до слез. Доколе, Господи?» Мысли о земле российской не оставляют его и позже в лагере: «Тягота всюду. Скорь повсеместная. Радость и утешение отняты от земли. На нашу долю осталось одно – терпение и надежда через испытания и страдания получить нечто совершенное и лучшее – вечность».

Из дневника же мы узнаем о знакомстве членов Александро-Невского братства с еп. Макарием (Опоцким). Отец Варлаам пишет, что в августе 1930 года служил вместе с ним в селе Званка.

Оставаясь в лавре, отец Варлаам продолжает общение с братством. Так, он довольно часто выезжал в Петергоф, где в это время жила тайная иноческая община сестер Александро-Невского братства под руководством о. Варсонофия (Верёвкина). Туда он выезжает на несколько дней, чтобы «уединиться, почитать, послужить в храме и помолиться».

Последний арест

В знаменитую «святую ночь» 18 февраля 1932 года, когда в Ленинграде было арестовано около 500 священнослужителей и мирян, отец Варлаам снова попадает в тюрьму. На членов Александро-Невского братства заводятся два отдельных дела, по нему прохо-

в всех является более объективным, чем все лежащее перед нашими глазами».

«Рассказы приехавших – грустные. Всюду скорьбь и теснота. И нет ничего отрадного, да и будущее пока сулит лишь одну скорьбь. Тем сильнее потому возрастает наша надежда на Господа, милующего и любящего Свое создание. И мы живем только этой верой и упованием жизни небесной... О мне прошу не беспокоиться – явите же любовь ко мне своими усердными молитвами и мирной, дружной жизнью между собой. Больше нисходите друг к другу и покрывайте всепрощением и любовью недостатки и ошибки близких своих».

Из лагеря он продолжает окормлять своих сестер, находящихся в других лагерях: «Не забывай, что мы, христиане, должны быть всегда радостными и бодрими. Только печаль о грехах нам разрешается, а в остальном мы – великие оптимисты».

Помимо скорбей, вызванных арестами и смертью близких, отец Варлаам обсуждает в письмах и новости о предательстве некоторых архиереев: «Основное, что теперь во мне, – это страх, даже ужас перед той таинственной, но, несомненно, реальной силой, которая сметает многое, казавшееся непоколебимо-твердым, неизменным. Страшно вообще и, конечно, страшно за самого себя... Известия о Павле и Амвросии, можно сказать, потрясли меня. Мне начинает казаться, что теперешнее мое положение может быть даже лучшим, так как

Фотография из следственного дела 1924 года

избавляет от многих неожиданностей... Только бы благодать Божия не покинула нашей немощи, потому что оставленные одни ничего не сможем сделать, и бездна поглотит нас».

Вдали от всех

В своих письмах с Беломорканала отец Варлаам часто говорит о том, что единственная радость в отношении будущего у него – это смерть как избавление от окружающего ада, но при этом пишет, что не хотелось бы умирать вне братского общения: «Когда захварываешь, все думаешь, не пора ли отправляться к праотцам. И хоть умом ясно понимаешь, что умереть безразлично в каком месте, все же не хочется умереть здесь, вдали от всех». И еще в день памяти Александра Невского осенью 1936 года: «О, как хотелось бы мне вновь соприкоснуться с живущими по духу, и самому хоть немного воспрянуть, поднять очи горе. А сейчас в скудости духовной обретаю себя нищим, обнаженным какого-либо одеяния брачна».

В марте 1937 года о. Варлаам пишет о том, что уже старается даже не вспоминать часто братское общение на свободе – настолько тяжело держать в памяти эти радостные дни: «Какое великое лишение – отсутствие храма, святых книг, духовного общения, беседы... Даже намеренно отгоняю воспоминания святых небесных дней и переживаний, не потому что не ценю их или не люблю, а потому что среди этого мрака как-то неловко быть в мыслях со светлым прошлым – можно расплакаться со всем. Правда, это не всегда так. Иногда и здесь все же размышляю о грядущем, вспоминаю прошлое, святыней освежаю опустошенную свою душу».

В 1936 году почти в каждом своем письме отец Варлаам спрашивает, почему сестры, имея в виду сестер из общины на Конной – Ольгу Костецкую, Евгению Миллер – стали писать ему так редко, лишь по одному письму в несколько месяцев. Возможно, их письма изымались лагерным начальством, а возможно, судя по тому, что некоторые письма все же доходили, сестрам на воле тоже было тяжело, в том числе и духовно. Отец Варлаам отмечает, что доходящие до него письма бывают нерадостны, а часто и унылы.

В то же время Ольга Костецкая без подробностей ухитряется рассказать ему в письме о «поездке на юг к друзьям», то есть к отцу Гурию (Егорову) в Ташкент летом 1936 года. Она признается, что хочет перебраться туда навсегда, в общину, в которой к тому времени собралось около 15 братчиков.

11 августа 1937 года отец Варлаам был арестован в лагере¹. Через месяц, в день Усекновения главы Иоанна Предтечи, его расстреляли в Сандормохе под Медвежьегорском. Это был канун дня памяти Александра Невского, небесного покровителя Александро-Невского братства. В одном из последних писем из лагеря на Пасху 1937 года он писал: «Сейчас полная и совершенная тишина на сердце – Господь приходит в тихом веянии хлада тонка. И Он – Сладчайший, радости исполнивший узников, эту же радость подает и нам, хотя и недостойным, но все же ученикам Его».

Материал подготовила Анастасия Наконечная

¹ За два дня до этого, 9 августа, в Волхове был расстрелян его отец, священник Михаил Сацердотский. Но об этом отец Варлаам узнать не успел.

Святая правда и дьявольская ложь великих утопий

Интервью с профессором Жоржем Нива

Начало на с. 1

Первую больницу в Боне, в Бургундии местный епископ учредил в XII столетии. Социальная страховка, которая играет во Франции огромную роль, идет оттуда. Когда ты посещаешь в городе Бон огромный средневековый зал для всех больных, ты понимаешь, что это колыбель, в которой рождалось христианское общество.

Взятие Бастилии 14 июля 1789 г. Гравюра Гельмана с рисунка Моне

Революция в каком-то смысле хотела завершить это христианское братство. Часть революционеров это признавали. Они были религиозными людьми — например, аббат Грегуар, который заставил Конвент отменить рабство в антильских колониях. Часть из них, не сознавая этого, могли быть антихристианами; на мой взгляд, это не меняло суть дела — то, что они завершали этот путь. Но потом пошел ряд весьма печальных событий: бегство короля под влиянием королевы в Австрию, т. е. к врагу. Его узнал один мясник по изображению на монетах и сказал: «Это и есть король», и беглецов схватили. Если бы он не так внимательно смотрел на монеты, которыми он оперировал в своем магазине, все было бы совершенно по-другому. Тут можно было бы сказать: кабы он не узнал... Но он узнал... Короля Луи XVI и его супругу, Марию Антуанетту, обезглавили¹ — и пошел террор.

Конечно, размеры этого террора — не размеры сталинские; это тысячи, а не миллионы, но это террор. Это начало нового явления: террор от имени закона, «для пользы дела республики». И мы, увы, показали пример этого страшного водоворота: сначала братство, потом бегство короля, эмиграция тысяч аристократов, террор, вспыхнувший энтузиазм за республику, объявление о правах человека — и Франция лидирует вплоть до России над умами. Князь Андрей, Пьер Безухов бредят Наполеоном Бонапартом вплоть до его вторжения в Россию. Да, со временем для них все меняется, и все-таки они не то что за революцию, но во всяком случае, за конституционный режим, каким была в то время империя французов.

А русская революция... Можно сказать, что русское общество бредило революцией весь XIX век, начиная с декабристов (хотя у декабристов были разные проекты: у Пестеля это была диктатура, железная рука — чтобы менять сверху этот народ). Потом Герцен; у него очень симпатичное лицо, потому что он прошел такую эволюцию: ненависть к деспотизму, к Николаю, потом — Европа, увлечение революцией 1848 года, потом депрессивное состояние, когда он увидел, что Европа предаёт собственные идеалы, прежде всего в Париже, где начинает править новый Наполеон, но и в Англии, и в германских государствах — повсюду. И после этого он выступает скорее за реформы, прежде всего за отмену крепостного права. Это человек, который видит общую трагедию Европы, а потом случается его собственная трагедия, гибель семьи, и одна трагедия накладывается на другую, и это делает очень сложной, замечательной книгу «Былое и думы». В ней главное — это «мысли» после стольких трагедий общественных и личных, частных, семейных. И это то, что нам нужно сохранить от Герцена: долг думать, обдумывать то, что случилось — в том числе и то, что случилось в 1917 году, когда раскатилось это страшное колесо от Февральской революции, которая была кровавой, хотя и в гораздо меньшей степени, и до большевистского переворота.

Я многое узнал об этих событиях от

моего учителя Пьера Паскаля, который жил здесь, в России, много лет² и участвовал в революции 1917 года. Мы делали с ним серию передач об этом: я задавал вопросы, а он отвечал. И он рассказал, как учредил московскую французскую большевистскую группу. Он был верующим католиком всю свою жизнь, и в 1919 году его позвали на товарищеский суд (насколько я помню, в этом участвовали Николай Бухарин и секретарша партии Стасова) и спросили: «Товарищ Паскаль, мы слышали, что вы бываете в церкви на литургии (он бывал на литургии в православной церкви, потому что католическую церковь уже закрыли) — и как это связать с тем, что вы большевик?» И он отвечал: «С точки зрения политики и экономики я — марксист, но марксизм — это очень нищая философия, и с философской точки зрения я — томист. Фома Аквинский дает гораздо лучшее объяснение мира, Творца, творения, чем товарищ Маркс». Они решили, что он чужак, неопасный дурак, и оставили его в покое, и он оставался в России до марта 1933 года. В 1933 году председатель Совета министров Франции исхлопотал для него возможность вернуться во Францию. (Это было сложно, потому что во Франции его приговорили заочно за дезертирство: он был военным человеком и не вернулся на родину, когда приказали.) Конечно, если бы он остался, то был бы репрессирован: ведь он был старым большевиком, увлекался в свое время анархизмом, был связан с Борисом Пильняком³, который уже был объявлен врагом народа, он ходил в церковь и т. д.

Когда Пьер Паскаль размышлял о причинах русской революции, он говорил о нескольких вещах. Он считал, что старый режим слишком долго продержался, он не умел реформироваться, а если и реформировался после революции 1905 года, то только частично. Да, конечно, появилось новое законодательство, парламентаризм, Думы, оппозиция (в 4-й Думе даже заседали большевики). Но сохранялись старые формы неравенства — даже эти обращения, например, «Ваше благородие», «Ваше превосходительство», которые были обязательны в администрации, в армии... Он считал, что и это сыграло свою роль, потому что это было унижительно.

Кроме того, благодаря народному просвещению довольно много людей, вышедших из социальных низов, получили образование в народных школах и народных университетах, таких как университет Шанявского, но потом не находили себе места. Если даешь просвещение, то человек, который вышел из своего рабочего или крестьянского состояния, должен найти новое положение. Так что в конечном счете это был, скорее, моральный бунт, плюс, конечно, бойня войны.

Взрыв патриотизма в начале войны, охвативший всех, сатирические издевательства над немцами — все это было частично искусственным и к тому же недолговечным. У нас во Франции происходило то же самое, а в Германии такая же неприязнь возникла против русских и французов. То есть все эти будто бы христианские страны вдруг были охвачены демонизмом, чувством, что выше всего — убивать штыком своего христианского соседа. По-моему, это было всеобщее упомощение, тем более что все это произошло после длинного периода мира — после наполеоновских войн были лишь некоторые локальные войны: Крымская, франко-прусская, русско-турецкая (освобождение Балкан) и некоторые другие. Но они заканчивались быстро. Да, они были довольно страшные, в особенности Крымская война, потому что в окопах люди погибали сотнями. А во время австро-итало-французской войны после битвы при Сольферино⁴ был учрежден Красный Крест, потому что женевац Дюнан увидел, как убили больше 30 тысяч людей на одном поле за один день...

Пьер Паскаль считал, что благодаря большевикам, Ленину — а он любил Ленина, он не любил Троцкого, — Россия вернулась в первоапостольские времена, про которые сказано в Деяниях апосто-

лов: все стало общим, больше не должно быть частной собственности. Он был разочарован, когда тот же самый Ленин учредил новую экономическую политику — для него это было, конечно, началом конца: возвращается эгоизм, страсть к наживе. Когда народный комиссар и уборщица получали одну и ту же пайку — для него это было братство. Но было ли такое время по-настоящему, я сильно сомневаюсь. В данном случае он быстро увидел, что народный комиссар обедает и ужинает в одном месте, а уборщица ужинает в совершенно других условиях. И тогда он полностью потерял свою веру в революцию. Но он любил Россию за какое-то чувство братства в народе; в какой-то мере он идеализировал русский народ, но очень искренно любил его. И я его понимаю.

Я Вас слушаю и не понимаю, о каком братстве может идти речь — и в случае французской революции, и в случае русской — если это требует таких кровавых жертв? Как можно думать о христианском братстве при гибели такого количества людей и при том зверстве, которое происходило во время этой гибели? Где тут христианское братство?

Я понимаю Вашу реакцию, но, во-первых, надо встать на место этих живых людей. Когда мы говорим о прошлом, надо всегда помнить, что мы говорим о людях, которые абсолютно не знали, чем все это кончится (и надеялись, что полной свободой, полным братством, пусть и с некоторыми нарушениями). В том и другом случае были люди, которые верили в это, а то, что они знали о том мире, который рушился, описывает Горький в «Детстве» — эгоизм, насилие, стяжательство. Вспомните Островского и Салтыкова-Щедрина. Мир Кабаних или господ Головлевых — это страшный мир, и они боролись против него.

Интересно, что Пьер Паскаль в первые годы жизни в России был в одной социально-христианской общине на юге Украины, основанной Неплюевым. Он был очень доволен тем, что увидел, и считал, что да, здесь что-то делается, это и есть христианская утопия.

Французский писатель Жюль Ромэн в одном из томов своей замечательной 27-томной эпопеи, которая называется «Люди доброй воли» (теперь она забыта, но я рос на ней), описывает русскую революцию. Этот том называется «Тот великий свет на востоке». Его герои — Жалез и Жерфаньон — очень увлекаются Бодлером и увлекаются вот этим светом. Один из них становится коммунистом, а другой — нет, то есть начинается спор. Но вот этот подход — «свет на востоке» — это у многих было.

Конечно, Пьер Паскаль знал про Большой террор; погибли его бывшие друзья. Он стал антикоммунистом, но «тихим голосом». И вот я учился у такого человека, то есть я оказался недалеко от русской революции. И мне было очень интересно об этом мало-помалу узнавать. Конечно, он признавал частично, что виноват: пусть не намеренно, но он участвовал в этом. Многие участвовали, но социализм, как сказал Пастернак, был самым великим русским романом XIX века. Когда Иван Карамазов говорит Алеше: «если страдания детей пошли на пополнение той суммы страданий, которая необходима была для покупки истины, то я утверждаю заранее, что вся истина не стоит такой цены... слишком дорого оценили гармонию, не по карману нашему вовсе столько платить за вход. А потому свой билет на вход спешу возвратить обратно... Не Бога я не принимаю, Алеша, я только билет ему почтительнейше возвращаю», то это и есть идея утопизма: мучения, зло должны быть искоренены полностью. Или «Воскресение» Толстого, где князь Нехлюдов оказывается захвачен этой идеей, когда понимает, что стало с Катериной. Она жертва его эгоизма, но она и жертва общества. Блок написал по темам «Воскресения» потрясающие стихи... Русский роман и завоевал мир тем, что ставил проблему справедливости. Флобер и Золя занимались описанием

мира, но не судили его. А русский роман устраивает суд. Между прочим, и в «Докторе Живаго» это чувствуется.

Мне кажется, что все революции заканчиваются тем, чего не ожидали, и все эти утопии показывают в конце концов не только свою утопичность, но и страшную сущность. Ведь все они заканчиваются неизмеримыми, страшными, безвинными страданиями (в том числе и страданиями детей, против которых так восстает Иван Карамазов). И мне хотелось бы спросить Вас: как сейчас во Франции оценивается революция — как правильная борьба за братство или как то, что приносит эти жертвы? Или люди вообще об этом не думают?

Резня в Ле-Мане (12 декабря 1793 года) — один из эпизодов гражданской войны в Вандее, предшествовавший окончательному поражению роялистской католической армии, восставшей против революционного Конвента. Один из генералов республиканской армии так описывал это событие в письме военному министру: «Наши солдаты устроили в городе ужасную бойню». Война в Вандее и сопровождавшие ее бессудные расправы революционной армии над мирными жителями унесли жизни более чем 200 тысяч человек. В 1993 году в провинции Вандея был установлен мемориал в память этих жертв

Франция вообще спокойная страна. Она легко вспыхивает, какие-то баррикады были, но это скорее жестикуляция. В 1945 году мне было 10 лет. Я помню всю войну, оккупацию, я помню семьи евреев, которые нашли убежище в нашем доме, я помню аресты — я многое помню. Но потом наступило освобождение, строилась новая Европа. Для моего поколения это самое лучшее, что было. И непонятно и душераздирающе видеть, думать, что здесь, в России, могут упомянуть Европу как врага или как нечто отрицательное, если даже не демоническое. Это великое дело — поддерживать мир. Вот вы говорите «утопия». Я думаю, что, конечно, мирными и как будто частными жестами Христос тоже устраивал революцию. Многие Его современники принимали это как несносный бунт, и Он был распят за это бунтарство.

Но Он страдал сам, Он не причинял страданий другим. Он-то принес свет настоящий.

Любые революции содержат все-таки элемент утопии...

И террора.

Да, конечно, сказать про христианство, что это утопия — это, наверное, судить извне и оперировать нерелигиозной лексикой, потому что утопия — это Томас Мор, это идея устройства какого-то счастья, а не христианство. Но тем не менее в утопии есть что-то не от мира сего. И, наверное, без личной веры утопия обречена на крах и на противоположность, то есть она становится мучителем и палачом.

Беседовала Анастасия Наконечная

¹ 21 января 1793 года Людовик XVI взшел на эшафот, сооруженный на площади Революции (нынешняя площадь Согласия). Перед самой смертью он воскликнул, обращаясь к толпе: «Французы! Я умираю безвинно и молю Бога, чтобы моя кровь не пала на мой народ». 16 октября была гильотинирована королева Мария-Антуанетта. Обнаружить впоследствии их останки так и не удалось: они были свалены в какой-то ров вместе с другими жертвами революции. Их сын через два года умер в заключении в возрасте 10 лет, а дочь Мария Тереза Шарлотта была освобождена 19 декабря 1795 года в обмен на французских военнопленных при условии, что она покинет территорию Франции. — Ред.

² С 1910-го по 1933-й.

³ Вплоть до ареста был одним из самых издаваемых писателей, хотя с середины 1920-х подвергался неоднократной критике «сверху». Арестован в 1937-м, расстрелян в 1938 году.

⁴ Состоялось 24 июня 1859 года.

Назвать поименно

1974–1991

30 октября 1974 года по инициативе Кронида Любарского¹ (одного из членов редакции самиздатовского правозащитного журнала «Хроника текущих событий») и других узников мордовских и пермских лагерей был впервые отмечен «День политзаключенного» – совместной голодовкой и зажиганием свечей в память о безвинно погибших. В тот же день Сергей Ковалев² собрал в квартире А.Д. Сахарова в Москве пресс-конференцию, на которой было объявлено о проходящей акции и показаны документы из лагерей. Через несколько месяцев организация этой пресс-конференции стала одним из пунктов обвинения в адрес уже самого Ковалева.

После этого ежегодно 30 октября проходили голодовки политзаключенных, а с 1987 года – демонстрации в Москве, Ленинграде, Львове, Тбилиси и других городах. 30 октября 1989 года около 3 тысяч человек со свечами в руках образовали «живую цепь» вокруг здания КГБ СССР. После того как они отправились оттуда на Пушкинскую площадь с целью проведения митинга, они были разогнаны ОМОНОм.

1991–2016

Предлагаем фрагментарный обзор того, что происходило в связи с увековечением памяти жертв репрессий и Днем памяти за последние 25 лет

Государственные постановления и выступления первых лиц

18 октября 1991 года было принято Постановление Верховного Совета РСФСР № 1763/1-1 «Об установлении Дня памяти жертв политических репрессий», после которого 30 октября стало официально признанным днем памяти.

30 октября 2009 года в своем обращении в связи с Днем памяти жертв политических репрессий Президент России (в тот момент им был Дмитрий Медведев) призвал не оправдывать сталинские репрессии, жертвами которых пали миллионы человек. Он подчеркнул, что память о национальных трагедиях так же священна, как память о победе, и обратил внимание на тот факт, что на протяжении двадцати предвоенных лет уничтожались целые слои и сословия советского народа: было практически ликвидировано казачество, «раскулачено» и обескровлено крестьянство, политическим преследованиям подверглись и интеллигенция, и рабочие, и военные. Подверглись преследованиям представители абсолютно всех религиозных конфессий.

Отметив, что до сих пор можно слышать, что эти многочисленные жертвы были оправданы некими высшими государственными целями, Д.А. Медведев сказал: «Я убежден, что никакое развитие страны, никакие ее успехи, амбиции не могут достигаться ценой человеческого горя и потерь. Ничто не может ставиться выше ценности человеческой жизни. И репрессиям нет оправдания».

Чрезвычайно важно, чтобы молодые люди... были способны эмоционально сопереживать одной из величайших трагедий в истории России, миллионам людей, погибшим в результате террора и ложных обвинений во время чисток 30-х годов.

Мы много внимания уделяем борьбе с фальсификацией нашей истории. И почему-то зачастую считаем, что речь идет только о недопустимости пересмотра результатов Великой Отечественной войны. Но не менее важно не допустить под видом восстановления исторической справедливости оправдания тех, кто уничтожал свой народ».

В обращении говорилось, что нужны музейно-мемориальные центры, «которые будут передавать память о пережитом – из поколения в поколение». Должна быть продолжена и работа по поиску мест массовых захоронений, восстановлению имен погибших, а в случае необходимости – их реабилитации.

18 августа 2015 года Правительство

России утвердило концепцию государственной политики по увековечиванию памяти жертв политических репрессий. «Россия не может в полной мере стать правовым государством и занять ведущую роль в мировом сообществе, не увековечив память многих миллионов своих граждан, ставших жертвами политических репрессий», – говорится в тексте распоряжения.

Согласно документу, реализация концепции пройдет в два этапа: с 2015 по 2016 год и с 2017 по 2019 год. Она предполагает создание новых музейно-мемориальных комплексов, образовательных программ по истории политических репрессий и выплату пособий людям, пострадавшим от репрессий, но оставшимся в живых. Кроме того, запланировано продолжение работы по составлению баз данных жертв репрессий, проведение научно-исследовательских работ, конференций и семинаров. Концепция будет реализовываться за счет бюджета и иных источников финансирования.

В распоряжении речь идет, в частности, о жертвах послереволюционных гонений на представителей религиозных конфессий, дискриминации «тех представителей дореволюционной элиты, кто предпочел остаться в России», и массовых репрессиях, «в ходе которых

Проект мемориала жертвам репрессий – «Стена скорби». Открытие мемориала в Москве на пересечении проспекта Сахарова и Садового кольца планируется на 30 октября 2017 года

миллионы людей были лишены жизни, стали узниками ГУЛАГа, были лишены имущества и подвергнуты депортации».

Отмечается, что реабилитация жертв политических репрессий была начата руководством СССР в 1953 году, однако с тех пор процесс так и не был завершен. Так, до сих пор не проведена необходимая работа по выявлению мест захоронения их жертв, не установлен общенациональный памятник.

В правительстве также подчеркнули, что «недопустимыми являются продолжающиеся попытки оправдать репрессии особенностями времени или вообще отрицать их как факт нашей истории».

9 марта 2016 года Президент России Владимир Путин подписал закон, закрепляющий право федеральных органов власти и местного самоуправления осуществлять меры по увековечению памяти жертв политических репрессий, а также поддерживать деятельность организаций и граждан, направленную на увековечение памяти жертв политических репрессий.

Законом также вводится обязанность органов местного самоуправления при обнаружении мест захоронения жертв массовых репрессий направлять в региональный орган охраны объектов культурного наследия заявление о включении объекта в Единый государственный реестр памятников истории и культуры народов РФ.

Закон предлагает дополнить перечень социально ориентированных некоммерческих организаций, которым может оказываться поддержка со стороны органов государственной власти и местного самоуправления, организациями, осуществляющими деятельность по увековечению памяти жертв политических репрессий.

Общественные акции в связи с Днем памяти 30 октября

С 2007 года (70-летия начала Большого террора) 29 октября у Соловецкого камня на Лубянке проводится акция «Возвращение имен»: участники митинга по очереди зачитывают имена людей, расстрелянных в 1937–1938 годах. Первые фамилии расстрельного списка прочитал Уполномоченный по правам человека в РФ Владимир Лукин. В первой акции, продолжавшейся десять часов подряд, участвовали 213 человек, которые прочитали 3226 имен. Всего же только в Москве в 1937–1938 годах было расстреляно более 30 тыс. человек. В последние годы в акции каждый год принимало участие несколько тысяч человек, но, как признаются организаторы, список все еще не прочитан до конца.

Начиная с 2011 года по инициативе Свято-Петровского малого православного братства в Левашовской пустоши под Петербургом, где захоронены десятки тысяч жертв режима, а в последующие годы в Доме Ахматовой и в других памятных местах города 30 октября служитя лития и зачитываются имена погибших из «Ленинградского мартиролога»³. Участвующие в чтении имен добровольцы вспоминают своих родных, знакомых и

не готова представить себе даже в мыслях – родители с детьми. Детьми самого разного возраста. О чем могли думать их родители за секунды перед расстрелом? “Я читала имена и думала о том, что последний раз их произносили вслух на этом же месте семьдесят пять лет назад, оглашая приговор”, – после того, как мы отошли от помоста, сказала мне подруга, тоже журналист, Ксения Лученко. Она добавила: “Все-таки очень важно петь Вечную память и читать имена. Называть по имени тех, кто лежит перед тобой в братской могиле”».

С этого же года ежегодное чтение имен с молитвенным повиновением погибших происходит и в Туле.

Начиная с 2013 года 30 октября такое же молитвенное поминовение погибших, организованное Синодальным отделом по взаимоотношениям Церкви и общества и Культурно-просветительским центром «Преображение» ежегодно происходит и в нескольких памятных местах Москвы. Вот как вспоминает первое чтение имен на Ваганьковском кладбище один из организаторов акции Татьяна Авилова: «Удивительно, что одни вспоминают множество пострадавших из своих родных, близких, учителей, а кто-то говорит: нас это никак не коснулось. Я не верю этому. Не потому, что этот человек говорит неправду, просто для того, чтобы пробить стену заговора молчания целого поколения, надо приложить особые силы и старания. Может быть, еще не пришло время, но как бы не опоздать, – уходят, и в большинстве своем ушли прямые свидетели той эпохи...»

Для меня новым переживанием была молитва, изъятая при обыске у о. Николая Сильвинского, расстрелянного в 1937 году, которая читалась каждый час после литии: о врагах, о любви к ним, о их прощении. Тут она никак не могла быть абстрактной, – о совершённом зле вопиали все называемые по именам люди. Нам еще расти и расти до того, чтобы искренне от себя сказать то, что звучит из уст святого человека. Но она звучала, и было ясно, что никто не сможет сейчас выйти и сказать – проклинаю врагов и никогда их не прошу!»

В прошлом, **2015 году** такая поминальная молитва и чтение имен погибших прозвучали в 17 городах России.

13 июня 2016 года Священный Синод Русской православной церкви утвердил тексты прошений обо всех убиенных в годы репрессий для включения этих прошений в заупокойные богослужения. Вот эти прошения:

«Еще молимся о упокоении душ усопших рабов Божиих, во дни лихолетия безвинно убиенных, страдания и истязания претерпевших, в изгнании и заключении горькую смерть приемших, ихже имена Ты Сам, Господи, веши».

«Во блаженном успении вечный покой, подаждь, Господи, усопшим рабам Твоим, во дни лихолетия безвинно убиенным, страдания и истязания претерпевшим, в изгнании и заключении горькую смерть приемшим, ихже имена Ты Сам, Господи, веши, и сотвори им вечную память».

Материал подготовила Александра Колымагина

¹ Астрофизик, участник диссидентского движения. 17 января 1972 года арестован по делу «Хроники текущих событий», в октябре того же года осужден на пять лет строгого режима. После освобождения был одним из преемников Александра Гинзбурга в качестве распорядителя основанного Солженицыным Фонда помощи политзаключенным. Вошел в советскую группу «Международной амнистии». В результате против него вновь возбуждаются уголовные дела, в том числе по статье, предусматривающей срок до 10 лет лишения свободы в 1987 году. В 1994–1995 годах – Уполномоченный по правам человека в Российской Федерации. Один из авторов Российской Декларации прав человека и гражданина (1991 г.) и 2-й главы Конституции России – «Права и свободы человека и гражданина» (1993).

² Биофизик, специалист в области нейронных сетей. С 1971 года один из ведущих участников издания «Хроники текущих событий». 28 декабря 1974 года арестован, в 1975 году приговорен к 7 годам лишения свободы и 3 годам ссылки. В Москву вернулся в 1987 году. В 1994–1995 годах – Уполномоченный по правам человека в Российской Федерации. Один из авторов Российской Декларации прав человека и гражданина (1991 г.) и 2-й главы Конституции России – «Права и свободы человека и гражданина» (1993).

³ Этот многоотомный труд издается силами практически одного человека, старшего научного сотрудника Российской национальной библиотеки Анатолия Разумова.

Фелисита значит «счастливая»

Интервью с монахиней Нийоле Садунайте, осужденной в 1970-е годы по делу «Хроники Литовской католической церкви»

16 и 17 июня 1975 года Верховный суд ЛитССР рассматривал дело № 416 по обвинению Нийоле Садунайте в «антисоветской агитации и пропаганде», конкретно – в размножении и распространении «Хроники ЛКЦ». Подсудимая отказалась от защитника. В зале суда присутствовали только 5 работников КГБ и 6 солдат. Даже свидетелям, за исключением брата подсудимой Ионаса Садунаса, судья не разрешила после дачи показаний остаться в зале. Работники

КГБ утверждали, что суд – закрытый. Матушка Нийоле, мы читали Ваше интервью, где рассказывалось, как Вы любите КГБ...

Очень люблю! Они путешествие мне такое устроили! Семь тысяч километров от Литвы, бесплатно, с охраной, как президент ехала, никто не мог обидеть, кушала бесплатно, спала, ни за электричество, ни за квартиру, ни за общежитие платить не надо! А теперь попробуй поехать в Красноярск или на Север! Сколько это потребует денег!

И нам захотелось спросить, откуда у Вас взялось то мужество, которое Вы проявили в отстаивании веры? Кто Ваши родители? Как Вас воспитали?

Меня крестили с именем Фелисита Нийоле. Фелисита значит счастливая. Когда мама меня ждала, ей было 23 года, и она была студенткой академии, где папа уже преподавал. Она очень простудилась, у нее был мокрый гнойный плеврит. Тогда, в 1938 году, аборт в Литве были запрещены, но когда врачи ее обследовали, они сказали: «Ты умрешь, и ребенок в тебе умрет. Тебе 23 года, у тебя сын почти трех лет. Мы спасем твою жизнь». Мама отвечает: «Что вы говорите? Это все равно что сказать: убей сына и будешь жить. Это тоже ребенок. Богу знать, кому жить! Его воля». И мама очень легко меня родила, говорила, я с таким шумом пришла в этот свет, и теперь такая шумная.

Папа и мама были очень добрыми и помогали бедным людям, которые тяжело жили, – и ремонтом, и деньгами, ну, чем могли, потому что сами тоже жили тяжело. И вот как-то ночью прибежал один из этих бедных людей, одетый в лохмотья, чтобы его не узнали, и говорит моему отцу: «Садунас, беги! В 3 часа повезут в Сибирь». Мне тогда был шестой год. Мы просто встали с кроватей, запрягли две лошади (может быть, у нас были, может быть, мы их одолжили, не помню), сели в большой воз и так поехали через всю Литву – и убежали! Там, где мы жили, очень хорошие профессора были, очень верующие. Их тоже предупредили. И один из них (у них в семье тоже два ребенка было) в ответ сказал: «Я никому зло не сделал, зачем меня увозить?» Не поверил! Но его увезли. И семью его тоже. Потом семьи отделяли от мужчин. В лагерях женщины с детьми жили отдельно. Им было очень тяжело.

А мы так и ехали, ехали, ехали и приехали совсем в другой край Литвы. Там была семинария¹, и епископ Винцентас Борисявичюс нас принял. Папа преподавал в семинарии, и мы там жили. Я прошла там миропомазание и первое при-

частие. Мне и семи лет не было, это было в 1945-м. А осенью в семинарию пришли из КГБ. Папы не было, его предупредили, что было КГБ, и сказали, чтобы он пришел в их здание. Но папа пошел домой, мы сразу спустились в подвал, дождались ночи и ночью переехали в ближайший городок, а рано утром с поездом отправились совсем в другой край Литвы – Аникщай. Там работал папин друг, и он помог папе устроиться агрономом. А епископа Винцентаса Борисявичюса зимой 1945 года, в конце декабря, перед Рождеством, арестовали и 10 месяцев очень жестоко мучили, потому что хотели завербовать, и в 1946 году расстреляли.

В то время где-то было немного жестче, где-то более мягко. Папа работал с простыми людьми, с доярками, и даже они боялись в костел идти, опасались, что потеряют работу! Все-таки в коровнике работать было легче, чем где-то там на поле, и, может быть, там можно было больше достать молочка. Люди тогда не очень честно жили, потому что голод был. Страшно! А папа каждое воскресенье шел в костел и всегда так открыто, и причащался каждый раз. Его вызывают КГБ или партийный секретарь и на него кричит: «Садунас, ты демонстративно ходишь в костел!», а он говорит: «Я не демонстративно, я просто хожу, не бью в барабан и не кричу: “Смотрите, Садунас идет в костел!” Вот вы идете в ресторан, в кино, в магазин, так я в костел иду!» Они как-то пригрозили, что он будет без работы, что мы все помрем с голоду. Папа говорит: «Бог дал зуб, даст и хлеб! Пойду сам дренаж делать, самым простым рабочим, и с голода не помрем!» А он был им в то время нужен, потому что в колхозах, совхозах было очень нужно знать, какая земля, как ее обрабатывать, что лучше делать, чтобы был урожай, а папа как раз это умел. Он верил, что он в руках Господа, и мне это был такой пример! Я так гордилась! Я и вообще характер папы получила, я тоже сангвиник, тоже всегда с шутками!

Меня в 1974-м арестовали, я 10 месяцев провела в подвалах КГБ, и мне все грозили, что когда меня увезут, они меня убьют, и я не вернусь в Литву. И я с ними говорила жестко – правду говорила, что они лгут, что они неправы, что они нарушают свою Конституцию, Декларацию прав человека, что одно говорят, а другое делают! Я ничего им не говорила про «Хронику Литовской католической церкви», которую мы выпускали. И они меня под конец спрашивают: «Кто редактор?» Им это очень было нужно! А я следователю и говорю: «Это Вы редактор. А мы только секретари. Не нарушайте свои законы, и нам нечего будет регистрировать!» Ведь это они нас преследовали, а мы только печатали факты: вот такой-то человек пошел в костел, или крестил, или причащал детей, и его выгнали с работы. Перед самым судом, как теперь вижу, то был 1975 год, с 15 на 16 июня, вот как Господь дал: я так ясно увидела папу во сне, так, как будто я в Аникшяе, хожу во дворе, а он и приезжает на такой легкой «линеечке», шесть черных красивых коней в нее запряжены; и рядом с ним место свободно. Я выхожу, и он мне говорит: «Ёля, приходи, надо временно уехать» – хочет, чтобы я села к нему. Я проснулась и думаю: как это – шесть коней, никогда в жизни такого не видела, даже на картинке, чтоб были такие шесть черных, красивых. А женщина, которая со мной в камере сидела (она на самом деле была «наседка»²; я этого не знала, но ничего не болтала), говорит: «Не может быть, что ты 6 лет получишь!» Но я получила именно 6 лет. И вот они перед моим отъездом мне говорят: «Все, убьем, не вернешься домой». Я отвечаю: «Временно уезжаю, батюшки, временно!» Вот как Господь дает слабому человеку укрепление. А правда, потом руку Божию, где бы я ни жила, я всегда чувствовала. Сегодня мы как раз на литургии читали место из Евангелия о том, что любящему Бога все выходит к добру. Даже вот эти все преследования, все невзгоды. Ежели ты уповаешь на Него – даже и смерть. Я братикам-кагэбистам в ответ на их слова

«договоримся за пол-литра с троими, и убьют, и замучают» говорила: «Ой, как я благодарна! Вы меня, грешную, экспрессом в небо хотите отправить». Но они никогда не любят делать то, что ты хочешь, вот и говорили: «Не будем делать тебя мученицей».

Вы довольно рано выбрали свой путь.

Да, когда 18 мне исполнилось. Но это Бог выбрал, а не я.

Но Вы с Его выбором согласились. Когда Вы уверовали и как почувствовали, что Ваше призвание – монашество?

Веру-то я, наверно, уже с кровью родителей впитала, так как они были верующие. Мы каждый вечер молились вместе, вся семья. Папа руководил. Мы всегда на коленях молились, несмотря на то, что он тяжело работал, приезжал с работы за 7 километров.

И вы его ждали и потом вместе молились?

Да, всегда, каждый вечер. Папа очень молитвенным был, очень Божию Матерь любил. Родители учили жить по правде, не лицемерить. Когда я уже была в школе и нам там внушали, что Бога нет, что это все сказки, я приходила домой и спрашивала: «Мама, вот, так и так сказали». И мама мне все объясняла. У мамы было много литературы, так как она училась в гимназии.

Рано я пошла в школу, в 6 лет, в Тельшяе, где нас приютили. И я была еще живее, чем теперь. Спортом занималась – и волейболом, и баскетболом, и настольным теннисом, и плавала, и прыгала. И несмотря ни на что я открыто ходила в костел. Скажем, едем мы в воскресенье в другой город, Аникщай, играть в волейбол или теннис. В 8 часов уезжаем. А я в 8 часов в костеле, выйду в полдевятого, а у костела целая машина меня ждет. Кушаем в каких-то ресторанах, я всегда перекрещусь. Но никто не смеялся. И не то что я показать что-то хотела, но я дома так делаю – почему же я должна лицемерить? Вот что значит родители, что значит впитать веру с молоком.

Я выросла в пригороде Аникшяя. Там было 13 ребят и я – 2 команды: 7 и 7. Какие мальчики хорошие были! Они старше меня на три, на четыре года. Никаких ругательств, кончилась школа – никто не курил, никто! На выпускном вечере ни пива, ничего не было. Многие из них, правда, вступили в комсомол только для того, чтобы потом могли поступить в высшую школу. А нас с братом оборонили родители. А то я тоже бы вступила. В школе зыывают: пионеры – поедом на экскурсию! «Ой, мама, я в пионеры пойду!» – «Я тебе пойду, это же атеистическое, они борются с Богом». – «А, тогда не хочу!» И вот мой брат не вступил, я не вступила, еще девочка одна, Мария, ну нас и выгнали из школы. Мы две недели не ходили в школу. Мама пошла и сказала: «Если что, уж я отдам откусить свою голову этому дракону, а детей не отдам. Пускай они будут малолетние, но будут честные и не будут лицемерить, что одно при людях, а другое в семье». Спусти две недели нас позвали опять, потому что не было такого закона, что только пионер может учиться в школе. Тем более что тогда надо было обязательно учиться. А те, другие родители, они ведь жалели детей: «Вот, не поступит, не кончит, станет чернорабочим, это тяжело». Хочется для детей всего лучшего. Но мне папа говорил: «Нийоле, все для человека нужно: чтобы он был обеспечен материально, чтобы его уважали, чтобы работа хорошая была. Но самое главное – это вера в Бога». Вот такие были родители.

У нас все епископы были арестованы, каждый третий священник был арестован и казнен. Советская власть ведь считала, что религия – самый большой ее враг. 90% судебных дел было против религиозных деятелей. Все священники были запуганы.

А потом смотрят – один сел, другой сел, и они стали смелее, как-то стыдно, что ничего не делаешь и не сидишь. Обратная реакция произошла. Всех не посадишь ведь. А женщины тайно учили детей религии. Мне очень нравится то, что сказал А.И. Солженицын: жить не по лжи. Самый главный закон жизни, считаю, высказал. Не обязательно трубить об этом. Но в ходе жизни с теми, кто хочет это знать, ты поделись этим знанием. Это все равно как я имею миллион, а люди тут голодают, и я не дам, не поделюсь с бедным. А иметь знание о Боге и им не делиться – это еще хуже. В то время была жажда этого знания.

В 1956 году – я как раз окончила школу – были хиротонисаны два епископа. У вас в православной церкви миропомазание ребенок получает сразу после крещения, а у нас только после первого причастия, и совершать миропомазание могут только епископы. И вот один из новых епископов приехал в костел Св. Анны. Собрался большущий костел, полный людей, от 7–8 до 20 лет, которые хотели получить миропомазание. Бронислава, моя подруга, тоже была не миропомазанная, а ей был уже 21 год, а мне было тогда 18 лет. И она попросила, чтоб я была ей мамой: у нас на миропомазание есть мама, как на крещение бывает крестная. Когда миропомазывают, держишь на плече у своей «дочери» руку. Во время службы епископ очень красиво объяснил, что те, кто принимает миропомазание, должны просить Духа Святого, чтобы Он пришел, чтобы Его дары спустились на нас, освятили, дали крепость. А меня миропомазывали, когда мне семи лет не было, я ребенком была совсем. И вот теперь стою и думаю: «Ох, я ничего не просила! И может быть, я ничего не получила! Броня, передай, отдай мне половину!» А она такая добродушная, не очень-то воспитанная религиозно, и отвечает мне: «Бери же, тебе надо, мне-то жалко, что ли». Ну и вот после того, как ее миропомазали, потом помолились, и такая радость! Жизнь! И так хочется в монастырь! Бог дает такие вещи просто как молния. Но вот что самое интересное – Броня, как мы выходим, говорит: «Нийоле, я так хочу в монастырь! А что это такое?»

И вот прихожу я домой уже под вечер (миропомазание днем было): «Мама, хочу в монастырь!» Мама говорит: «Это святое дело! Но для тебя ли это, это ты какие-то шутки вздумала». Она считала, что я все время что-нибудь вздумаю – то я на крыше, то я на дереве сижу.

Но я такая упрямая была, и на следующий день мы пошли по монастырям: сначала к одним сестрам, потом к другим. Но одни предложили мне в Институт физкультуры поступить и одновременно у них жить и учиться тайно (а это значит, в костел нельзя ходить, и придется лицемерить); у других были одни старушки и молодых не принимали. А на следующий день мы уже пришли к моим сестрам. Был конец июля, тепло. Там летняя кухня, такие бабушки, как я теперь, в белых платочках, пятеро или шестеро. Я будто домой пришла. Нам дали покушать после утрени, простой день был, мы чай попили. «Мама, уходи, я здесь останусь!» Мама старшей сестре монастыря говорит: «Не будет из нее монахини, это же ртуть! Больше двух месяцев никак не проживет! Но я вам заплачу за еду, за квартиру, может быть, немножко ума наберется, а то у нее в голове ветер». Ну не верила мама ни в какую. А я так здесь и осталась. Вот как Господь делает. Он выбирает самых слабых.

Беседовали члены Покровского малого православного братства, сентябрь 2015 года

¹ Видимо, речь идет о Тельшяйской католической семинарии, впоследствии (в 1946 году) закрытой. В 1989 году семинария была восстановлена и получила имя епископа Винцентаса Борисявичюса, бывшего ее первым ректором. В 2015 году в семинарии проходило обучение 11 студентов.

² «Наседка» – агент, которого следователь подсаживал в камеру к подсудственному под видом такого же заключенного.

Преодолеваю удушье

К семидесятилетию известного публициста, историка Сергея Бычкова вышла в свет книга «Преодоление удушья», где собраны его статьи, эссе, интервью разных лет.

Бычков пишет о церковной жизни изнутри, культура и политика в его научных статьях привязаны «к религиозному горизонту». Именно потому, что этот горизонт прозрачен, в заметках Бычкова наряду с научным подходом появляется дискурс русского религиозного ренессанса. Особенно в связи с именем Георгия Федотова, двенадцатитомник которого увидел свет благодаря трудам ученого. Федотовские цитаты в устах Бычкова звучат сильно и злободневно. Например: «Современная нация уже потому не может поставить свой интерес высшим благом и целью, что ее жизнь невозможна вне той культурно-политической системы – назовем ли мы ее христианской или европейской, – к которой она принадлежит... Поэтому последовательно проведенный принцип национального интереса становится невозможным: он подкапывает существование самой нации, которой хочет служить».

Бычков – один из немногих современных авторов, который размышляет о проблемах истории духовной жизни. В частности, его интересуют вопросы канонизации новомучеников. Известно, что целый ряд святых недавно были вычеркнуты из святцев только потому, что они якобы дали показания в ходе следствия на своих братьев. Но можно ли доверять протоколам допросов как документам, в истинности которых невозможно сомневаться? В сборнике наряду с фрагментами следственных дел ученый поместил беседы с теми, кого советская репрессивная машина пыталась сломать. В этом смысле впечатляет его разговор с М.В. Тепниной, где участница катакомбной общины бесхитростно рассказывает о том, как с ней работал следователь: «Он задаст вопрос, потом замолкает и сидит пишет, пишет. Потом опять что-то спросит и начинает писать. Подавал мне расписаться в такой довольно объемистой тетрадке. Когда я один раз вздумала почитать, он мне не дал. Мол, это я так писал, исходя из того, что вы говорили. Я подписывала каждую страничку, не читая. Правда, вначале я первую страничку успела прочитать. Он там пишет: я такая-то признаюсь, что я являюсь членом антисоветской организации. Я ему говорю: “Я этого не говорила”. Он мне на это отвечает: “Это наша формулировка”».

На страницах книги мы встречаем известные имена религиозных деятелей советского времени – архимандрита Тавриона (Батозского) (в связи, к слову, с магистерской работой А.Н. Лепехиной), митрополита Николая (Ярушевича), архиепископа Михаила (Мудьюгина), священника Николая Трубецкого, богослова Бориса Бакулина и др.

Сам Бычков входил в менавский круг, и убитый священник неоднократно возникает на страницах книги. Здесь и интервью с о. Александром Менем, и размышления о его пастырской деятельности. Так, Бычков свидетельствует, что в храм ходили окрестные старушки. И отец Александр не делал различия между ними и теми интеллигентами, которые приезжали из Москвы.

Книга хорошо издана: твердая обложка, качественная бумага, обширные примечания. Вот только тираж маловат – всего 500 экземпляров.

Борис Колымагин

«Я благодарен Богу за то, что Он “позвал” меня»

Так называется одно из воспоминаний о духовном пути, из которых состоит второй выпуск книги издательства Свято-Филаретовского института «Мой путь к Богу и в Церковь».

В небольшой сборник вошли тексты, написанные нашими современниками в 2000-е годы, во время их подготовки к Крещению или первой сознательной исповеди. Это люди разных возрастов, судеб, духовного и житейского опыта, которые в какой-то момент увидели свою жизнь как путь, по которому их ведет Бог, и возблагодарили Его за это. Тексты написаны в редком для нашего времени жанре – жанре свидетельства, отражающем личный опыт встречи человека с Богом, который всегда уникален и никогда не повторяется. И хотя путь и опыт у каждого свой, однако в каждом пути есть сходные рубежи, и напоминание о них может отозваться в сердце того, кто пережил подобное, или того, кому только предстоит пережить эту встречу.

Все истории не придуманы и поражают своей искренностью, потому что нельзя придумать и скрыть настоящее обращение к Богу, когда человек понимает, что с ним что-то произошло вдруг,

в какой-то момент, и начиная с него, уже нельзя жить как прежде. Причем этот момент может быть в своих внешних проявлениях как возвышенным, так и полуанекдотическим: одного из авторов свидетельств укусила бездомная собака, и чтобы пройти курс антирабических прививок, ему пришлось отказаться от алкоголя на девять месяцев. «Жизнь на трезвую голову внезапно открыла мне массу неприятных вопросов о тупике, в котором я оказался», – признается он. По сути, все свидетельства, приведенные в книге, напоминают евангельскую притчу о блудном сыне, который с рождения знал, Кто его Отец, но ушел на сторону далече, чтобы там искать полноту жизни, провел бурную молодость, все испытал, вместо полноты жизни стал есть рожки, которыми кормили свиней, а потом, однажды очнувшись и опомнившись, вернулся назад.

«Вообще, все в жизни происходит неспроста», – отмечает автор одного из свидетельств, оценивая свой путь к Богу и в Церковь. Название сборника и сама тема, над которой размышляют люди, сочинения которых вошли в книгу, родились из вопроса: можно ли прийти к Богу и не прийти в Церковь? Опыт жизни этих

людей свидетельствует о том, что когда человек обретает живую и действенную веру во Христа, ему открывается путь в Церковь – собрание таких же, как он, учеников Христовых.

Эта книга о том, как человек откликается на призыв Божий и входит во врата Церкви, и об открытиях, которые делают люди на этом пути.

Татьяна Васильева

«Вспоминай меня, глядя на небо...»

Раевской удалось устроиться в библиотеку ЦИК СССР, находившуюся в здании правительства в Кремле. В это время Сталин вел жесткую борьбу «со старыми большевиками». «Дело», к которому НКВД намертво прикрепит сотрудницу библиотеки, являлось важным элементом игры кремлевского горца с партийной номенклатурой. Так что, оказавшись во многом случайно в списке подозреваемых, молодая женщина не имела шансов спастись. Сама она, похоже, об этом даже не догадывалась. Ее подозревают в анти-советской настроенности. Но ведь это же неправда! Ее обвиняют в создании террористической группы. Но она же ничего не создавала!

Как замечает Проценко, для заказчика этого нелепого и трагического спектакля, как и для исполнителей его воли, понятие «бывшие люди» увязывалось не столько с марксистской догмой, сколько с вульгарно понятым социальным дарвинизмом. Соответственно формуле: «Если ты из бывших, значит, ты неуклонно эволюционируешь в лагерь врагов рабочего народа».

В основе книги, составленной Кириллом Раевским, лежат письма и дневники его матери и бабушки. Сначала между ними была переписка; потом, перестав получать письма от дочери и не зная о ее гибели, Евдокия Урусова вела дневник: «Мечтаю каждую почту получить от тебя что-нибудь в надежде, что перемены в НКВД как-нибудь отразятся и на вас». Она считала, что ее младшая дочь просто лишена возможности переписываться, и подробно рассказывала о своем быте, о домашних делах, о жизни Кириюши, как он поживает у родственников. Урусова надеялась, что дочь после отбытия наказания непременно прочтет ее незатейливые записи.

Вообще, эта книга являет собой важную веху в истории повседневности советского человека. Письма и дневники бедны по содержанию, в них говорится, в общем-то, о вещах незначительных: о том, как растет сын, вспоминает ли маму, какие вещи можно прислать и как это лучше сделать, какие-то подробности тюремной прогулки, обрывки случайных мыслей по поводу прочитанной книги или вспомнившегося вдруг стихотворения. Но все это в целом создает скупую и правдивую картину. Причем рамка этой картины находится у наших ног. Можно сделать шаг – и мы окажемся внутри. Потому что все, действительно, предельно просто, понятно, знакомо.

От обращения – «моя дорогая, милая, милая моя мамусенька!». До предложения смотреть в небо на звезды. Елена будет делать это из тюремного окошка,

Советский Союз 1930-х годов условно можно назвать комбинатом по производству коммунистического рая. Это время наиболее острого коллективного переживания скорого счастья. Вся страна поет песни, появляется звуковое кино, возвращается попавшая под большевистский запрет новогодняя елка, в свет выходит рассказ Аркадия Гайдара «Чук и Гек» с хрестоматийным финалом: «Что такое счастье – это каждый понимал по-своему. Но все вместе люди знали и понимали, что надо честно жить, много трудиться и крепко любить и беречь эту огромную счастливую землю, которая зовется Советской страной».

Двадцатилетняя женщина, мать трехгодовалого ребенка Елена Раевская готова была честно жить, много трудиться и крепко любить. Но ее аристократическое происхождение стало помехой для входа в новый рай. «Контрреволюционерку» арестовали по сфабрикованному в НКВД «Кремлевскому делу» и отправили в Верхнеуральский политизолятор. Через два года Лёну, как звали ее близкие, приговорили к высшей мере социальной защиты – расстрелу. На дворе стоял 1937 год. Ее мужа Сергея – члена семьи репрессированной – ждали лагеря. Мать, Евдокию Евгеньевну Урусову, сослали в киргизскую глушь, где она и скончалась в 1939-м. Вообще, репрессии коснулись многих членов семьи Раевских-Урусовых.

Во вступительной статье к сборнику писем, дневников и документов «Вспоминай меня, глядя на небо...» историк Павел Проценко подробно рассказывает об обстоятельствах дела молодой матери, дает его на фоне эпохи.

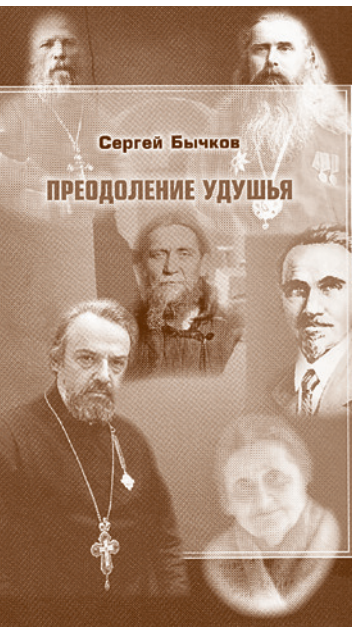
После долгих мытарств молодой

Евдокия Евгеньевна (пока еще не сосланная) вместе с внуком Кириллом – из окна коммунальной квартиры. Так родственные души окажутся вместе в одном иностранстве.

Они не были верующими людьми, но верили, что мысли и желания не проходят бесследно, что они каким-то образом связаны с космосом и душой. И еще: они понимали, в каком мире оказались. И принимали: без озлобления, без отчаяния. Они, действительно, достойно, как подлинные аристократы, прошли свое поприще. «О свободе стараться не думать, это тем легче достигается, что тюрьма постепенно сама вытесняет остальной мир, становясь единственной реальностью, и именно это и дает возможность в ней жить, ибо постоянное ощущение воли сделало бы эту жизнь невыносимой», – говорит в одном из писем Елена Раевская.

Всюду жизнь. В заключение хотелось бы отметить аппарат издания. Письма и дневники снабжены подробными комментариями. Во вкладке представлено немало редких фотографий из семейного архива, а в приложении помещены фрагменты уголовных дел, хранящихся в Центральном архиве ФСБ Российской Федерации.

Борис Колымагин

Приглашаем всех 30 октября в 21.00 присоединиться к акции «Свеча памяти» и зажечь на окне своего дома свечу в память о тех, чья жизнь безвременно оборвалась в годы террора или была сломана тоталитарной машиной советского государства

С какими проблемами люди сейчас приходят в Церковь

С этим вопросом мы обратились к катехизаторам

Игумен Димитрий (Рябцев):

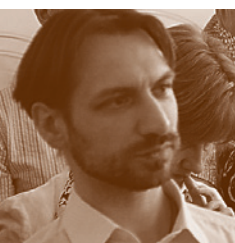

В последнее время я встречаю все больше людей, которые приходят в Церковь не со своими проблемами, а с проблемами близких, которым они желают помочь. Но через какое-то время они начинают понимать, что на самом деле в жизни все взаимосвязано и проблемы близких связаны с их собственными проблемами, которые тоже нужно решать. Когда они начинают это осознавать, со временем они

находят свое место в жизни, в мире, в церкви и потихоньку начинают помогать ближним в Боге.

Я состою в братстве «Трезвение», и там часто сталкиваюсь с проблемами людей зависимых и созависимых. И какие-то вещи, связанные с тем, о чем я говорил, для меня очевидны. Люди этого не слышат сначала, а потом проходит время – и они начинают прозревать, что дело не в том, что они не могут, а в том, что никто не может помочь, просто нужно не мешать действовать Богу в этой ситуации.

Кирилл Мозгов:

Современный человек живет в таком мире, который даже с точки зрения бытовых условий не снился никому из сильных мира сего еще столетие тому назад, и это накладывает очень сильный отпечаток на оглашение. Люди в прин-

ципе очень довольны своей жизнью, и даже если человек жалуется на свою жизнь, чаще всего это то, что называется «немножко поплакаться». Мало кто всерьез готов менять свою жизнь, потому что она в основном людей устраивает, и это действительно проблема. Получается, что люди часто приходят к Богу для того, чтобы к своей и так неплохой жизни добавить еще немножко чего-то духовного, хорошего, благого. Очень немногие понимают, насколько нужно эту жизнь действительно

перестроить, если человек обращается к Богу. Поэтому люди с трудом готовы по-настоящему принять Бога, ведь если Господь входит в жизнь, то Он ее меняет радикально, а человек часто заранее, еще только обращаясь к Богу, отводит Ему лишь какой-то маленький уголок своей жизни, но не готов впустить Его во всю свою жизнь.

Измениться эта ситуация может лишь благодаря доверию. Во-первых, необходимо доверие Богу и готовность Его услышать. Ведь все Священное Писание говорит о том, что жизнь человека с приходом Бога меняется радикально. Если человек внимательно и с открытым сердцем читает Писание, то не увидеть этого невозможно. Во-вторых, помогает доверие к людям – если человек видит людей, живущих в церкви, то рано или поздно он убеждается в том, что их жизнь строится несколько иначе.

Сергей Нестерович:

Главные из этих проблем – расколотость, несобранность и оторванность от традиции. В их вопросах чувствуется, слышится просьба о помощи, которую они даже не могут сформулировать вначале. Поэтому основные трудности связаны с тем, чтобы помочь им войти в церковную традицию, которая не на поверхности. Здесь очень важно суметь явить эту жизнь. В Евангелии говорится: иди и смотри. И такой запрос у людей есть.

Вообще же человек приходит с какими-то вопросами вторичными, третичными по значимости, но через них видно, что болит-то другое. Ему кажется, что рука болит, но на самом деле – болит сердце. А сердце у человека всегда болит о главном. И оказывается, что впереди долгий, долгий путь, который человек должен пройти, чтобы обрести не столько знания, сколько опыт.

Беседовала Анастасия Наконечная

«Церковь и миссия: история и современность»

5 октября в Белгородской духовной семинарии в рамках празднования 20-летия ее возрождения состоялась международная научно-практическая студенческая конференция «Церковь и миссия: история и современность», собравшая студентов из Новосибирской, Харьковской, Воронежской, Пензенской, Белгородской духовных семинарий, а также Московской и Санкт-Петербургской духовных академий.

Конференция была открыта проректором по учебной работе протоиереем Сергеем Дергалевым. Проректор по научной работе С.А. Колесников представил доклад «Богословская наука как форма миссии (на примере Белгородской духовной семинарии)».

Затем состоялись выступления студентов. Среди семинаристов Белгородской духовной семинарии докладчиками стали Андрей Степанов (доклад «Богословские вызовы современности на примере «Теологии освобождения»»), Ненад Бойков (доклад «Литургическая жизнь как цель православной миссии»), Максим Лютан (доклад «Русская православная церковь в современной Австралии»), Роман Обченко (доклад «Миссия Церкви в интернет-пространстве. Формирование единого информационного поля – общецерковная задача»), Иван Полушкин (доклад «Миссионерская деятельность святителя Николая Японского (Касаткина) (1836–1912)»), Артем Попов (доклад «Православие в Таиланде. Миссионерский отчет»), Дмитрий Чекрыгин (доклад «Митрополит Харьковский и Богодуховский Никодим (Руснак)»).

Выпускник семинарии 2015 года, ныне студент Санкт-Петербургской академии Михаил Флягин представил доклад «Сопоставление взглядов на священство в трудах святого праведного Иоанна Кронштадтского и святителя Феофана Затворника».

Сайт Белгородской семинарии

«Наряду с Киевской купелью мы должны помнить о древней Кавказской купели»

В Пятигорске прошло совещание православных миссионеров

11 октября в Спасском кафедральном соборе Пятигорска архиепископ Пятигорский и Черкесский Феофилакт принял участие в работе семинара-совещания руководителей миссионерских отделов епархий, расположенных на территории Южного и Северо-Кавказского федеральных округов Российской Федерации. Такие семинары проводятся Синодальным миссионерским отделом Русской православной церкви по благословению Святейшего Патриарха Кирилла для обсуждения «Дорожной карты деятельности епархиальных миссионерских отделов и взаимодействия с Синодальным миссионерским отделом» и «Концепции реализации дорожной карты».

Для участия в обсуждении в Пятигорск прибыли заместители председателя Синодального миссионерского отдела игумен Серапион (Митько) и протоиерей Александр Короткий, пресс-секретарь отдела иеромонах Лев (Скляров), а также руководители миссионерских отделов около 20 епархий региона.

Приветствуя собравшихся, архиепископ Феофилакт обратил внимание на ряд особенностей миссии на Северном Кавказе. Первой такой особенностью он назвал многонациональность территории и самой паствы. Владыка указал на необходимость межрелигиозного диалога, знания религиозной традиции соседних народов, приведя примеры священников, изучивших исламскую религиозную традицию. А также отметил большой миссионерский потенциал христианского прошлого почти всех народов региона: «Наряду с Киевской купелью мы должны помнить о древней Кавказской купели, в которой были крещены почти все местные народы. О той христианской традиции, следы которой до сих пор живы в их традициях, обычаях, языках и культуре. Эта традиция дает нам твердое основание для понимания христианства на Северном Кавказе как коренной религии, которой здесь больше тысячи лет».

«Борьба с сектами выглядит как отсутствие веры, а не как ее проявление»

Комментарии в связи с законом Яровой и первыми двумя месяцами его применения

В этом номере мы приводим пока лишь мнение некоторых православных экспертов.

20 сентября в Общественной палате РФ прошла дискуссия о правоприменительной практике миссионерской части «пакета Яровой». Помимо собственно членов ОП РФ, в слушаниях приняли участие представители религиозных организаций и силовых ведомств, а также ряд адвокатов и экспертов в сфере религии и права.

Речь шла о том, чтобы разработать и направить сотрудникам МВД рекомендации, позволяющие минимизировать вероятные конфликтные ситуации между миссионерами и представителями правоохранительных органов.

В ходе дискуссии глава юридической службы Московской патриархии игуменья Ксения (Чернега)

заявила, что «в целом, несмотря на наличие недоработок, мы считаем, что принятый закон отвечает интересам традиционных конфессий. Русская православная церковь

полагает, что корректировка этого закона сейчас преждевременна». Она добавила, что для этого первоначально «нужно изучить правоприменительную практику».

По словам игуменьи Ксении, ряд необходимых правок был внесен еще на этапе обсуждения законопроекта. В качестве примера она назвала ситуацию с необходимостью маркировать религиозную литературу. «Первоначальная версия проекта требовала маркировать такую литературу религиозной организацией, даже если она литературу не издавала, а только распространяла. Сейчас это требование снято, новый закон обязывает маркировать только ту литературу, которая издается и распространяется этой же религиозной организацией в рамках миссионерской деятельности», — отметила глава юридической службы Московской патриархии. Напомним, что одним из смягчений закона, появившимся по просьбе Русской православной церкви между вторым и третьим чтением, было также признание возможности беспрепятственно вести миссионерскую деятельность в храмах, около них, а также на

кладбищах и в крематориях.

В качестве остающейся претензии к закону игум. Ксения назвала положение, связанное с невозможностью перевода жилых помещений в нежилой фонд. Часть православных храмов в советское время была перепрофилирована, в том числе и под жилье, и теперь, получая здания назад, РПЦ не может вернуть им целевое назначение.

7 октября активисты Православного правозащитного аналитического центра (ППАЦ) задержали и передали полиции восьмерых человек, проповедовавших в электричках Ярославского направления и на Ярославском вокзале. Православные дружинники потребовали привлечь задержанных за незаконную миссионерскую деятельность, противоречащую закону Яровой (подробнее об инциденте см. на с. 4).

В ответ на акцию ППАЦ на сайте «Православие и мир» была опубликована статья публициста Сергея Худиева, в которой говорится: «Это, в общем, понятно — человек, который присоединяется к той или иной группе (племени, дворовой шайке, болельщикам определенной команды и т. д.) старается вписаться, показать свою преданность, выражая враждебность к другой группе — чужому племени, шайке из соседнего двора, болельщикам другой команды. Как понятно и то, что это не имеет отношения к вере — православной или какой-либо еще».

«Более того, это не приносит вере, Церкви и делу спасения душ ничего, кроме вреда. Нападки на сектантов при помощи полиции, попытки как-то запугать их и продемонстрировать им свою враждебность — это не свидетельство о православии. Это свидетельство против него», — объясняет Худиев.

По мнению автора, «борьба с сектами выглядит как отсутствие веры, а не как ее проявление». «Служение Церкви — в том числе служение людям заблуждающимся — есть служение любви. Если вы пока не можете его понести — значит, не можете. Но ни в коем случае не надо выдавать ксенофобию и агрессию за ревность о правой вере».

Обзор публикаций о некоторых случаях применения закона Яровой см. на с. 3–4.

Случаи правоприменения закона Яровой

В настоящей справке мы рассмотрим только те случаи правоприменения закона, которые широко освещались прессой. Мы не включаем в нее информацию о прокурорских проверках молитвенных собраний тех или иных религиозных групп, а также о штрафах и судах, не вышедшую в публичное пространство или анонимную, то есть не связанную с конкретными именами и местностью.

Напоминаем, что «миссионерские» поправки к Закону о свободе совести и о религиозных объединениях вступили в силу 20 июля.

1. Черкесск

22 июля последователь Общества сознания Кришны, 25-летний Вадим Сибирев из г. Дзержинска, в г. Черкесске в час дня раздавал литературу на улице и беседовал с прохожими (в некоторых изданиях инцидент описывается так: «подарил литературу двум прохожим»). В этот момент он не был задержан полицией, а собеседники не жаловались на его действия. Несколько дней спустя некий Рашид Зитляжев, временно безработный юрист, который узнал из интернета, «что распространять религиозную литературу теперь можно только в специально отведенных местах», попросил сотрудников Центра по противодействию экстремизму (ЦПЭ) по Карачаево-Черкесии привлечь к ответственности неустановленное лицо, применив новые положения закона. Он обратился с заявлением в полицию, приложив к делу фотографии. Только после этого Сибирев был задержан для дачи показаний. Составлявший протокол сотрудник полиции написал о правонарушении: «раздавал литературу религиозного характера».

Дело по ст. 5.26 КоАП РФ («Нарушение законодательства о свободе совести, свободе вероисповедания и о религиозных объединениях») рассматривалось с 4 по 15 августа 2016 года. Полицейский в ходе судебных разбирательств заявил, что нарушен п. 2 ст. 24.1 Закона о свободе совести, который устанавливает, где может совершаться миссионерская деятельность. Однако оказалось невозможным доказать, что Сибирев осуществлял именно миссионерскую деятельность. Защита использовала в качестве довода определение миссионерской деятельности, данное в п. 1 ст. 24.1 Закона о свободе совести. В первом пункте этого определения говорится, что миссионерство – это деятельность именно религиозного объединения. Решающее значение имело заявление Вадима Сибирива, что он не является представителем какого-либо религиозного объединения и что он не действовал с

целью вовлечения кого-либо в какое-либо религиозное объединение. И это также «не позволяет квалифицировать его деятельность как миссионерскую», говорится в постановлении мирового судьи.

Судья подчеркнул вслед за защитой, что запрет на распространение религиозной литературы в России законодательством РФ не установлен. А последователь Общества сознания Кришны реализовал свое личное право на распространение религиозных взглядов на основании ст. 28 Конституции РФ.

Таким образом, административное дело в отношении кришнаита Вадима Сибирива было прекращено за отсутствием состава преступления.

2. Марий Эл

30 июля в деревне Мари-Шолнер Мари-Турекского района Республики Марий Эл проводился деревенский праздник. Староста деревни пригласил на праздник своего знакомого – лидера религиозной группы христиан веры евангельской (пятидесятников) Александра Якимова. В марте 2016 года члены этой религиозной группы уведомили органы юстиции о ее существовании. Согласно комментариям российских союзов христиан веры евангельской, эта группа автономна, ни к одной из централизованных религиозных организаций не принадлежит.

В предыдущие годы на празднике также выступали представители этой группы, ранее называвшейся «Новое поколение» (часть харизматического движения, основанного рижским пастором Алексеем Ледяевым). Члены группы устраивали что-то вроде импровизированного концерта. 30 июля на сцене повесили старый баннер «С праздником, моя деревня», на котором имелась надпись «Новое поколение». Александр Якимов вышел на сцену, произнес несколько теплых слов и призвал благословение Божие на всех жителей Мари-Шолнер.

5 августа прокуратура возбудила в отношении Александра Якимова дело по ч. 4 ст. 5.26 КоАП РФ (осуществление миссионерской деятельности с нарушением требований законодательства о свободе совести, свободе вероисповедания и о религиозных объединениях). Прокурор Мари-Турекского района Н.В. Бахтин посчитал, что баннер с надписью «Новое поколение» и благословение являются признаками миссионерской деятельности. Кроме того, в постановлении о возбуждении административного дела было указано, что религиозная и миссионерская деятельность «проводилась на мун-

ципальной территории (жилой дом)», что не входит в перечень разрешенных мест для проповеди¹. Отмечалось, что во время праздника Якимов не представился от имени религиозной организации и не сообщил о наличии у него полномочий на миссионерскую деятельность.

Из постановления от 5 августа также следует, что правоохранительные органы задокументировали деятельность группы Якимова. Съемку во время деревенского праздника проводили и сотрудники полиции, и сотрудники УФСБ по республике Марий Эл. Прокурор особенно подчеркнул, что проповедь и молитва были произнесены осознано и намерено в присутствии несовершеннолетних. Александр Якимов выразил несогласие с постановлением и от своей подписи под ним отказался. По его словам, он прекрасно видел, что полиция следит за происходящим и даже производит съемку во время праздника. Он поздравил всех с днем деревни, благословил старосту за его работу и всех жителей деревни. На этом «проповедь и молитва» были закончены.

31 августа 2016 года мировой судья судебного участка Сернурского судебного района Республики Марий Эл приговорил Александра Якимова к штрафу в размере 5 тысяч рублей «за незаконное миссионерство». В правоохранительных органах считают, что кроме пастора закон преступил также староста, под подозрение попал и ведущий праздника. Если решение суда останется в силе, то еще одно административное правонарушение со стороны пятидесятников грозит закрытием религиозной организации.

3. Орел

Гражданин США Дональд Оссерварде приехал в Россию в 1990-х годах в качестве «частного миссионера-баптиста». Для этих целей он развешивал по городу объявления, раскидывал их в почтовые ящики. В какой-то момент к нему начали приходить люди, участвовать в беседах и богослужениях. На них собиралось 10–15 человек. В 2005 году Оссерварде получил вид на жительство в России.

В начале августа сотрудница молодежного правительства Орловской области, дублер замгубернатора по безопасности Анна Бакаева подала заявление в полицию с просьбой проверить деятельность миссионера-баптиста. «Впервые я увидела розовую листовку с текстом, в котором содержалось приглашение от миссионера Дональда Оссерварде на изучение Библии возле кинотеатра “Родина”. После этого

аналогичную листовку я увидела возле своего дома на улице Пушкина, – рассказала Бакаева на суде. – Я сфотографировала эту листовку и сорвала. Так как это мой гражданский долг, я не могла промолчать и понесла листовку в полицию. Там мне объяснили, что это такое, и я решила написать заявление».

12 августа Оссерварде был задержан и 14 августа признан виновным в осуществлении миссионерской деятельности «без уведомления в письменной форме о начале деятельности религиозной группы» согласно ч. 5 ст. 5.26 КоАП (осуществление иностранным гражданином миссионерской деятельности с нарушением требований законодательства о свободе совести, свободе вероисповедания и о религиозных объединениях). Штраф составил 40 тысяч рублей.

30 сентября Орловский областной суд отклонил апелляцию и оставил в силе решение районного суда.

4. Санкт-Петербург

Сергей Журавлев с 1991 по 1996 год был священником Брянской епархии РПЦ, но затем, по собственному признанию, пережил «рождение свыше» и хотя продолжал носить православную рясу и крест, фактически стал протестантом харизматического направления. Церковь Журавлева отрицает почитание Божией Матери и считает день Крещения Руси «скорбным днем насильственной христианизации России». Какое-то время он активно вступал в диалог с протестантами, но потом в отношениях с некоторыми из них у него возникли сложности: так, Российский объединенный союз христиан веры евангельской (пятидесятников) в 2014 году осудил Сергея Журавлева и призвал отказаться от контактов с ним.

27 августа Журавлев посещал еврейскую мессианскую общину Петербурга и выступал там с проповедью. Богослужение было прервано полицейскими. После проверки документов Журавлев был задержан. В 5-м отделе полиции Фрунзенского района Петербурга его несколько часов допрашивали. Был составлен протокол об административном правонарушении, о том, что Журавлев проводил незаконную миссионерскую деятельность без документа на ее осуществление. Доводы о том, что Журавлев выступал лично от себя как гражданин и проповедовал по приглашению в общине другого направления, не действовали.

«Реформаторская Православная Церковь Христа Спасителя» не зарегистрирована в России, сам Журавлев живет в Туле, но постоянно ездит и окормляет свои общины, которые существуют в виде религиозных групп. Ни одна из них не подавала уведомления о своем существовании. Формально Журавлев

не мог ни от кого в России получить документа на миссионерство.

Допрос в отделении полиции проводился на основании доноса. Неназванный человек специально отследил проповеди Журавлева через Интернет. В доносе было отмечено, что он ведет незаконную миссионерскую деятельность с целью наживы и оскорбляет религиозные чувства православных, будучи гражданином Украины. Кроме того, отмечалось, что он якобы поддерживает связи с «Правым сектором», имеет проукраинские взгляды и чуть ли не призывает людей на баррикады. Сергея Журавлева допрашивали четыре офицера. В процессе этого общения выяснилось, что гражданства Украины у него нет, а его проповедь вполне укладывается в общехристианские нормы. Тем не менее в комментариях прессе представитель правоохранительных органов отметил в проповеди Журавлева возможную дискредитацию православия и разжигание вражды по отношению к РПЦ.

5 сентября Сергей Журавлев был признан виновным и приговорен к минимальному штрафу в сумме 5000 рублей.

5. Калуга

9–11 сентября в Доме молитвы христиан веры евангельской (пятидесятников) «Слово Жизни» прошла конференция, посвященная 80-летию пятидесятнической церкви в Калуге. Верующие полагают, что их общину и в целом движение пятидесятников в Калуге основал в 1936 году один из известных деятелей протестантского движения в России Иван Воронаев, находившийся здесь в ссылке.

10 сентября граждане США Александр Уитни и Давид Козан, путешествовавшие как туристы, будучи протестантами-пятидесятниками, приняли участие в богослужении, посмотрели фильм и исторический спектакль о жизни и служении Ивана Воронаева.

За воротами Дома молитвы американцев встретили несколько оперуполномоченных и сотрудников ФСБ. Уитни и Козан со своей несовершеннолетней дочерью Катрин были задержаны. В два часа ночи подполковник полиции Владимир Гренков составил постановление об административном нарушении правил въезда в страну и «осуществлении религиозных связей». В нем отмечалось, что религиозные связи американцы осуществляли 10 сентября с 16 до 21 ч. Владимир Гренков заявил, что у него имеется секретная запись от тайного осведомителя, с которой он не дал ознакомиться обвиняемым.

Итогом пятичасового допроса стал протокол, согласно которому за административное правонарушение они были оштрафованы на 3 тысячи рублей каждый без депортации из России.

6. Москва

7 октября активисты Православного правозащитного аналитического центра (ППАЦ) задержали и передали полиции восьмерых человек, проповедовавших в электричках Ярославского направления и на Ярославском вокзале. Православные дружинники потребовали привлечь задержанных за незаконную миссионерскую деятельность, противоречащую закону Яровой.

Задержанных передали сотрудникам ДПС, однако те доставили в отделение УВД на Ярославском вокзале только двоих. На сайте ППАЦ говорится, что задержанные – «по виду свидетели Иеговы или неопятидесятники». Активисты сожалеют, что полиция занялась лишь двумя сектантами.

«Представители секты, из которых двое были ранее судимы за распространение наркотиков, напрочь отказывались признаваться, из какой они организации, поскольку в случае признания ответственности религиозной организации за ведение миссионерской деятельности с отсутствием лицензии грозит штраф до одного миллиона рублей. Также задержанные ссылались на то, что раздают исключительно Евангелие синодального перевода РПЦ», – говорится на сайте ППАЦ. Проповедники, как выяснилось, не слышали об ответственности за незаконную миссионерскую деятельность.

Православные активисты написали заявления о привлечении задержанных к ответственности по части 4 статьи 5.26 КоАП (осуществление миссионерской деятельности с нарушением требований законодательства о свободе совести, свободе вероисповедания и о религиозных объединениях).

Обзор комментариев и откликов прессы на случаи применения закона составила Александра Колымагина

¹ Напоминаем, что в соответствии с поправками Яровой миссионерская деятельность религиозного объединения беспрепятственно осуществляется: в культовых помещениях, зданиях и сооружениях, а также на земельных участках, на которых расположены такие здания и сооружения; в зданиях и сооружениях, в помещениях, принадлежащих религиозным организациям на праве собственности или предоставленных им на ином имущественном праве для осуществления их уставной деятельности, а также на земельных участках, на которых расположены здания, имеющие соответствующие помещения, по согласованию с собственниками таких зданий; на земельных участках, принадлежащих религиозным организациям на праве собственности или предоставленных им на ином имущественном праве; в местах паломничества; на кладбищах и в крематориях; в помещениях образовательных организаций, исторически используемых для проведения религиозных обрядов.

Не допускается осуществление миссионерской деятельности в жилых помещениях, за исключением случаев, предусмотренных частью 2 статьи 16 Федерального закона о свободе совести (в ней речь идет о совершении богослужений и отправлении религиозных обрядов. – Ред.).